

ОКТАБРЬ 2012

ПАЛАНТИР

#66

журнал

толкиновского общества
санкт-петербурга

፡፱፻፳፱፡

፡፡ ስጦት ስጥኝ
እርሶ ስጥኝ፡

В НОМЕРЕ :

А.Л. Гумерова.

Стихотворные фрагменты во «Властелине Колец» (доклад, прочитанный на VII Толкиновском семинаре). 4

Артем Крюков.

Метаморфозы Леода, или через этимологию к демографии. 13

Джонатан Пэдли, Кеннет Пэдли.

«...И в отраженьи Истины ясней мы Истину поймём»: Дж.Р.Р. Толкин и отражения Иисуса Христа в Средиземье. *Перевод Марии Семенихиной.* . 23

Дмитрий Бадаев.

Люди-aborигены Эриадора. 37

Брайан Сибли.

Полин Бэйнс: Королева Нарнии и Средиземья. *Перевод Ивана Володько.* . 56

На последней странице - работа **Моргул** «Арэдэль и Маэглин»

Palantir®

ПАЛАНТИР

№66 октябрь 2012

ЖУРНАЛ

ТОЛКИНОВСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Этот номер для вас делали:

Золтан Бардинг, Мария Семенихина, Моргул

e-mail: barding@mail.ru twitter: [TolkienSpbRu](#)

Наш сайт: tolkien.spb.ru

Copyright © 1997-2012 Толкиновское Общество СПб

Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами. Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения Толкиновского Общества Санкт-Петербурга запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция оставляет за собой право производить необходимые правки в публикуемых материалах. Просим авторов соблюдать принятое в журнале оформление материалов, учитывая используемые шрифты и кегли, оформление сносок, иллюстраций и таблиц. Благодарим авторов за сотрудничество с журналом.

Издание журнала не преследует коммерческих целей. Тираж - 100 экземпляров.

Редакция журнала благодарит автора использованных в издании шрифтов
Tengwar Quenya и Tengwar Sindarin Дэниеля Стивена Смита.

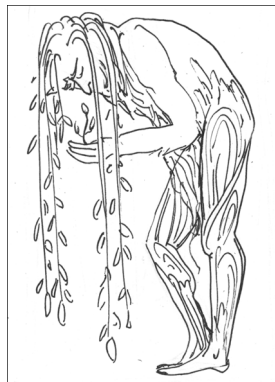
(доклад, прочитанный на VII Толкиновском семинаре)

В романе Дж.Р.Р. Толкина «Властелин Колец» важную роль играют стихотворные фрагменты. Почти в каждой главе романа есть некое стихотворение или отрывок из стихотворения. В романе шестьдесят три главы, только в шестнадцати из них совсем нет стихов или песен, а в некоторых главах стихотворных фрагментов больше одного – всего в романе их семьдесят. Что из себя представляют эти фрагменты? Как правило, они обозначаются как «песня», то есть их поют, или восклицают, или как минимум, декламируют. Это может быть песня, сочиненная героем только что или раньше, или же герой вспоминает некую древнюю песню, или она внезапно приходит к нему неизвестно откуда. Интересно, что почти все песни оказываются цитатами. Либо это цитата из некоей древней песни, либо это песня, которая поется всегда в этой ситуации, или же – есть такой вариант – герой сочиняет песню на некий древний сюжет... То есть, с помощью стихотворных фрагментов создается мощный пласт отсылок на культурный контекст – которого в сознании читателя нет и быть не может просто по факту отсутствия. Что происходит в такой ситуации с упомянутым сознанием читателя, – особенно если учесть, что роман-эпопея Толкина, кроме таких песен, насыщен цитатами и отсылками к самым разным произведениям мировой культуры, от Евангелия до отдельных фрагментов древнеанглийской поэзии (исследования на эту тему уже проводились) – я думаю, уточнять не нужно.

Разумеется, эти стихотворные фрагменты всегда гармонично встроены в сюжет, в логику повествования романа, они никогда не диссонируют с прозаическим контекстом. Однако оказывается, что эти песни переплетаются между собой – то есть создают некий фоновый сюжет романа.

При внимательном взгляде на поэзию во «Властелине Колец» становится очевидно, что среди всех стихов можно выделить несколько отчетливых групп, причем одни и те же песни могут относиться к разным группам.

Так, достаточно большую группу составляют исторические песни, причем их в свою очередь можно разделить на эльфийские (например, песня о Нимродели, ВК 2:6), человеческие (например, роханская песня-плач «Where are the horse and the rider? Where is the horn that was blowing?» ВК 3:6), энтскими («перечень сущих» Фангорна: «Learn now the lore of Living Creatures ...» ВК 3:4), и гномскими (песнь Гимли о Дарине, ВК 2:4). Следует отметить, что к жанру исторических песен мы не можем отнести ни одну из хоббитских песен; зато среди них есть две «сказочные» песни – песня о Человеке с Луны, которую поет Фродо в трактире (ВК 1:9), и песня Сэма о тролле (ВК 1:11). Но есть и другое наблюдение: некоторые исторические песни не могут быть отнесены в какую-либо из этих групп. Это песня Бильбо об Эарендиле (ВК 2:1), песня Фангорна о женах энтов (ВК 3:4) и, вероятно, песня Арагорна о Берене и Люттиэн (ВК 1:11). В первом случае исполняет песню хоббит, сочиняет ее он же с помощью Арагорна, однако по содержанию она может быть названа как эльфийской, так и человеческой. Интересно, что именно после этой песни мы читаем разговор о различии творческих методов у эльфов, хоббитов и людей. С песней Фангорна о женах энтов тоже все несколько запутано – ее поет энт об энтах, но она эльфийская, по его собственным словам. В сущности, похожая ситуация с песней Арагорна о Берене и Люттиэн – она эльфийская по происхождению, ее поет человек, и речь в ней идет о человеке и эльфийской деве.

Хоббитские песни составляют отдельную группу. Все они посвящены некоей конкретной романной ситуации – от воспевания горячей воды (ВК 1:5) до плача по Гэндальфу (ВК 2:7). Однако плач по Гэндальфу входит и в другую группу – собственно плачей, куда относится плач по Боромиру (ВК 3:1), плач по Теодену (ВК 5:3) и другие.

Третья группа – это песни-пророчества. К ним можно отнести послания Галадриэли Арагорну и Леголасу (ВК 3:4), стихотворение, приснившееся Боромиру и Фарамиру «Seek for the Sword that was broken» (ВК 2:2) и стихотворение Бильбо об Арагорне «All that is gold does not glitter» (ВК 1:10; 2:2).

Можно в отдельную группу объединить песни-заклинания, как темные, – собственно текст заклинания Кольца, заклинание умертвия (ВК 1:8) – так и светлые – скажем, песня-призыв Тома Бомбадила (ВК 1:7) или «Annon edhellen, edro hi ammen» (ВК 2:4) Гэндальфа.

И, наконец, очевидно отдельную группу составляют эльфийские песни, посвященные теме Моря. Надо сказать, что теме Моря так или иначе посвящены все эльфийские песни, кроме, пожалуй, отрывка из песни об Элберет, которую поет Сэм в Кирит-Унгол, если мы решим считать ее эльфийской.

В своей статье я анализирую эльфийские песни, добавив к ним одну тему из хоббитских песен – тему дороги. В финале статьи будет ясно, зачем я объединяю эти темы.

Тема дороги задана первым же стихотворением, появляющимся во «Властелине»:

The Road goes ever on and on
Down from the door where it began.
Now far ahead the Road has gone,
And I must follow, if I can,
Pursuing it with eager feet,
Until it joins some larger way
Where many paths and errands meet.
And wither then? I cannot say.

[Дорога все идет и идет, от двери, у которой она началась, и теперь далеко вперед ушла Дорога, и я должен по ней следовать, если могу, и гнаться за ней на неустанных ногах, пока она не соединится с более широким путем, где встречается много троп и дорог, а что потом – я не могу сказать.]

- читает Бильбо перед уходом из Шира (БК 1:1). Затем Фродо тоже повторяет это стихотворение – причем ровно в той же ситуации, но не цитируя Бильбо напрямую (БК 1:3). Таким образом, два этих ухода – уход Фродо и Бильбо – соединяются, поскольку оба героя говорят одно и то же. В этих двух стихотворениях различаются только два слова «eager feet» (неустанные ноги) у Бильбо и «weary feet» (усталые ноги) у Фродо. Затем – в этой же третьей главе, буквально через несколько страниц – герои поют песню тоже о дороге и тоже авторства Бильбо.

Still round the corner there may wait
A new road or a secret gate,
And though we pass them by today,
Tomorrow we may come this way
And take the hidden paths that run
Towards the Moon or to the Sun.

[Однако за углом могут ждать новая дорога или тайные ворота, и хотя мы их сегодня минуем, завтра мы можем пойти этим путем и отправиться скрытыми тропами, которые бегут к луне или к солнцу.]

А вот дальше происходит интересное – возникает вторая тема. Буквально через один эпизод, в той же главе. По сюжету происходит следующее: как бы в ответ на песню хоббитов появляется Черный Всадник – а затем он исчезает, поскольку его спугнула другая песня, первая песня эльфов. То есть две песни идут почти подряд.

Snow-white! Snow-white! O Lady clear!
O Queen beyond the Western Seas!
O Light to us that wander here
Amid the world of woven trees!

Gilthoniel! O Elbereth!
 Clear are thy eyes and bright thy breath!
 Snow-white! Snow-white! We sing to thee
 In a far land beyond the Sea.
 O stars that in the Sunless Year
 With shining hand by her were sown,
 In windy fields now bright and clear
 We see your silver blossom blown!
 O Elbereth! Gilthoniel!
 We still remember, we who dwell
 In this far land beneath the trees,
 Thy starlight on the Western Seas.

[Снежно-Белая! Снежно-Белая! О светлая госпожа! О Королева за Западными Морями! О Свет для нас, которые странствуют среди мира сплетенных деревьев! Гилтониэль! О Элберет! Ясен твой взор и светло твое бытие (*как адекватно перевести в данном контексте bright thy breath – вопрос, сам по себе непостоян*), Снежно-Белая! Снежно-Белая! Мы поем тебе в далекой земле за Морем. О звезды, что в Бессолнечные Годы были посеяны ее сияющей рукой! В полях ветра, которые сейчас чисты и ясны, мы видим, как цветет твой серебряный цветок! О Элберет! Гилтониэль! Мы все еще помним – те, кто живет в этой далекой земле под сенью деревьев – твой звездный свет над Западными Морями.]

В этой песне возникает тема Запада, эльфийской страны. Отмечу, что сразу оговаривается: эльфы поют на Синдарине, а мы слышим эту песню в восприятии Фродо.

Об уходе за Море почти сразу после этой песни говорят эльфы: «We are Exiles, and most of our kindred have long ago departed and we too are now only tarrying here a while, ere we return over the Great Sea» [Мы – Изгнанники, и большинство нашего народа давно ушло, и мы тоже остаемся здесь лишь на малое время, пока не вернемся за Великие моря]; в сущности, первое, что становится известно об эльфах в романе (именно в романе, а не в прологе) – что эльфы уходят, их время прошло.

Итак, у нас в третьей же главе сплетаются две темы: тема дороги, которая куда-то нас приведет, и тема Запада и ухода эльфов на Запад.

Песня об Элберет вновь звучит во второй книге «Властелина Колец», в главе «Many Meetings», почти сразу после песни Бильбо об Эарендиле. Заметим, что хотя песню об Эарендиле нельзя однозначно отнести к эльфийским, однако и в ней идет речь об уходе на Запад, за Море. Песня же об Элберет, которая в этой главе уже звучит на Синдарине, повторяет мотивы первой песни об Элберет: «О Элберет Возжигающая звезды, косые лучи звездной славы падают с небесной тверди, сверкая подобно алмазам. Глядя издалека, из-за переплетенных деревьев Средиземья, о Снежно-Белая, я воспою тебе песнь за Морем, здесь, за Великим Морем».

Следующая эльфийская песня – которую мы однозначно можем отнести к таковым – это уже упоминаемая песня Леголаса о Нимродели, глава «Lothlorien» (БК 2:6). В ней речь идет о

событиях начала Третьей Эпохи, об уходе за Море Амрота и Нимродели. То есть тема ухода за Море развивается: мы узнаем, что эльфы уходили туда не только во время действия «Властелина Колец», но и ранее. Заметим, впрочем, что этот уход – неудачный, то есть Нимродель, не дойдя до Моря, пропадает, а Амрот пытается вернуться за ней и тонет, не доплыв до берега.

В песнях Галадриэли тема ухода за Море звучит, пожалуй, наиболее ярко. В главе «Farewell to Lothlorien», в сцене прощания с Братством Галадриэль поет две песни – причем одну на всеобщем языке, другую на Квенья.

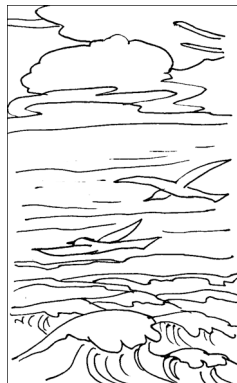
I sang of leaves, of leaves of gold, and leaves of gold there grew:
Of wind I sang, a wind there came and in the branches blew.
Beyond the Sun, beyond the Moon, the foam was on the Sea,
And by the strand of Ilmarin there grew a golden Tree.
Beneath the stars of Ever-eve in Eldamar it shone,
In Eldamar beside the walls of Elven Tirion.
There long the golden leaves have grown upon the branching years,
While here beyond the Sundering Seas now fall the Elven-tears.
O Lorien! The Winter comes, the bare and leafless Day;
The leaves are falling in the stream, the River flows away.
O Lorien! Too long I have dwelt upon this Hither Shore
And in a fading crown have twined the golden elanor.
But if of ships I now should sing, what ship would come to me,
What ship would bear me ever back across so wide a Sea? (BK 2:8)

[Я пела о листьях, о золотых листьях, и вырастали золотые листья. О ветре я пела, и прилетал ветер и веял в ветвях. За Солнцем, за Луной была морская пена, и у побережья Ильмарина росло Золотое Древо. Под звездами Вечного вечера в Эльдамаре сияло оно, в Эльдамаре за стенами Эльфийского Тириона. Долго там росли золотые листья на ветвях лет, а здесь за Морями Разлук льются сейчас слезы эльфов. О Лориен! Идет Зима, нагой и безлиственный День, листья падают в поток, уносятся прочь Река. О Лориен! Слишком долго прожила я на Сем Берегу и вплетала в вянувший венец золотой эланор. Но если я сейчас должна петь о кораблях – какой корабль пришел бы за мной, какой корабль унес бы меня назад через столь широкое Море?]

Ah! like gold fall the leaves in the wind,
long years numberless as the wings of trees!
The long years have passed like swift draughts
of the sweet mead in lofty halls beyond the West,
beneath the blue vaults of Varda wherein the stars
tremble in the song of her voice, holy and queenly.
Who now shall refill the cup for me?
For now the Kindler, Varda, the Queen of the Stars,

from Mount Everwhite has uplifted her hands like clouds,
and all paths are drowned deep in shadow;
and out of a grey country darkness lies
on the foaming waves between us, and mist
covers the jewels of Calacirya for ever.

Now lost, lost to those from the East is Valimar!
Farewell! Maybe thou shalt find Valimar.
Maybe even thou shalt find it. Farewell! (там же)

[Ах! Как золото, падают листья на ветру – долгие годы, бессчетные, как крылья деревьев! Долгие годы прошли, словно быстрые глотки сладкого меда в высоких залах на Западе, под синими сводами Варды, где звезды трепещут в звуках ее голоса, святого и царственного. Кто ныне вновь наполнит кубок для меня? Ибо ныне Возжигательница Варда, Королева Звезд, с Вечнобелой Горы простерла руки, подобные облакам, и все тропы утонули в глубокой тени, и из серой страны ложится тьма на пенные волны меж нами, и мгла покрывает самоцветы Калакирьи навечно. Ныне потерян, потерян Валимар для всех, кто на Востоке! Прощай! Быть может, ты обретешь Валимар! Быть может, именно ты обретешь его. Прощай!]

Песня на Квенья во многом тематически схожа с песней на всеобщем языке, но в ней есть одно очень важное добавление – слова о Варде: «The Kindler, Varda, the Queen of the Stars» (Возжигательница Варда, Королева Звезд). А это возвращает нас к первой эльфийской песне, к песне об Элберет, и, таким образом, песни Галадриэли оказываются в одной линии с песней об Элберет, которая звучит в романе четыре раза – при первой встрече хоббитов с эльфами, в Имладрисе, в Мордоре, где ее восклицает Сэм, и в финале, причем в первом случае она звучит, очевидно, на Синдарине, но читатели воспринимают ее в переводе Фродо, во втором и третьем на Синдарине без перевода, а в третьем – на всеобщем и Синдарине. И, таким образом, между песней об Элберет и второй песней Галадриэли есть еще одно сходство. И та, и другая поется на эльфийском языке – одна на Квенья, другая на Синдарине – и они даны читателю в восприятии Фродо. Причем первую он понимает непосредственно в тот момент, когда слышит, вторую «переводит намного позже», потому что этот язык «мало кто знает в Средиземье» (интересный намек на судьбу Фродо и интересный ответ на финал песни: «Быть может, ты обретешь Валимар, быть может, именно ты его обретешь»: Толкин отсылает читателя не только к прошлому, но и к будущему). Причем песня Галадриэли, таким образом, звучит трижды: поэтический текст на всеобщем языке, поэтический текст на Квенья и прозаический перевод его же. То есть, это некий очень важный текст.

Интересно, что тема ухода на Запад появляется и в песне Фангорна о женах энтов:

Together we will take the road that leads into the West,
And far away will find a land where both our hearts may rest. (3:4)

[Вместе мы отправимся по дороге, что ведет на Запад, и далеко отсюда найдем землю,

где оба наши сердца смогут успокоиться].

В тексте «Властелина Колец» нам ничто не говорит о том, что энтов тоже ожидает уход на Запад, как эльфов – однако песня названа «эльфийской», и, видимо, поэтому в ней отражены эльфийские представления о некоей стране, где «наши сердца отдохнут».

Затем этот же мотив появляется в послании Галадриэли эльфу Леголасу, одному из спутников Фродо:

Legolas Greenleaf, long under tree
In joy thou hast lived. Beware of the Sea!
If thou hearest the cry of the gull on the shore,
They heart shall then rest in the forest no more.

[Леголас Зеленолист, долго под деревьями в радости жил ты. Остерегайся Моря! Если услышишь ты крик чайки на берегу, никогда больше сердце твое не найдет покоя в лесу]

Причем обратим внимание, что здесь звучит предостережение – «Остерегайся моря». И – опять же – речь идет о лесе и о море в сравнении, как это было и в первой эльфийской песне и в песне Галадриэли.

Более того, в послании Галадриэли Арагорну тема пути к морю тоже звучит, хотя и в другом смысле:

But dark is the path appointed for thee:
The Dead watch the road that leads to the Sea.

[Но темна тропа, предназначенная тебе: Мертвые стерегут дорогу, что ведет к Морю].

В следующих трех частях романа тема моря и ухода на Запад появляется редко, а доминируют здесь исторические песни – а по сюжету это как раз война с Сауроном. Более того, в четвертой книге в главах с 5 по 9 вовсе нет ни песен, ни стихов – это главы, повествующие о пути Фродо и Сэма к Мордору, от встречи с Фарамиром до сражения с Шелоб. В последней, десятой главе четвертой книги звучит песня Сэма об Элберет на Синдарин.

В следующий раз эльфийская песня звучит уже в конце, после победы над Сауроном – это песня Леголаса о море:

To the Sea, to the Sea! The white gulls are crying,
The wind is blowing, and the white foam is flying.
West, west away, the round sun is falling.
Grey ship, grey ship, do you hear them calling,
The voices of my people that have gone before me?
I will leave, I will leave the woods that bore me;
For our days are ending and our years failing.

I will pass the wide waters lonely sailing.
Long are the waves on the Last Shore falling,
Sweet are the voices in the Lost Isle calling,
In Eressea, in Elvenhome that no man can discover,
Where the leaves fall not: land of my people for ever!

[К Морю, к Морю! Белые чайки кричат, ветер веет, белая пена летит. К западу, к западу катится круглое солнце. Серый корабль, серый корабль, ты слышишь, как они зовут, голоса моего народа, что ушли до меня? Я покину, я покину леса, что взлелеяли меня. Ибо наши дни кончатся и годы истощаются. Я пройду широкие воды под своим одиноким парусом. Длинные волны, бьющие в Последний Берег, сладки голоса, зовущие на Затерянном Острове. В Эрессеа, в Доме Эльфов, который не может найти ни один человек, где листья не опадают: в земле народа моего навеки!]

Эта песня представляет собой переплетение образов из других песен – или же, можно сказать, отсылает нас ко многим другим песням. В первой же строке появляются те самые кричащие чайки, от которых предостерегала Леголаса Галадриэль в пророчестве. А затем лес, который он покидает – тема леса звучит во многих песнях, которые не относятся к эльфийским, но из эльфийских она появляется в первой песне об Элберет и в первой песне Галадриэли. Кроме этого, в песне Леголаса, как и в песне Галадриэли, появляются корабль и образ листьев – тех, которые падают в реку во второй песне Галадриэли, и тех, которые не опадают на Эрессеа в песне Леголаса. То есть в этой песне Леголаса собираются темы всех эльфийских песен.

Я в начале статьи упомянула о связи стихов с прозаическим текстом. В случае с песней Галадриэли это очень интересно. В главе «Many partings» (БК 6:6), где Галадриэль, Фродо и остальные встречаются с Саруманом уже после полного его краха и призывают его раскаяться, он – уже отказавшись раскаиваться – говорит: «What ship would bear you back across so wide a Sea?» [Какой корабль унес бы тебя назад, через столь широкое Море?] – то есть буквально цитирует последнюю строчку первой песни Галадриэли – и отвечает на этот вопрос. «It will be a **grey ship**, and full of ghosts» [Это будет серый корабль, полный призраков]. А серый корабль – это явная отсылка к песне Леголаса.

И в конце эпопеи появляется вторая песня о дороге – второй ее вариант.

Still round the corner there may wait
A new road or a secret gate;
And though I oft have passed them by,
A day will come at last when I
Shall take the hidden paths that run
West of the Moon, East of the Sun.

[Однако за углом могут ждать новая дорога или тайные ворота, и хотя я часто проходил мимо них, однажды наконец придет день, когда я вступлю на скрытые тропы, что ведут на запад от луны, на восток от солнца.]

Текст песни поменялся, казалось бы, незначительно – но на самом деле теперь он совсем о другом. В первом звучит неопределенность – «тау», во втором уверенность – «will/shall» Спрятанные тропы ведут теперь не к солнцу и луне, как было в первом варианте – а «к западу от луны, к востоку от солнца», то есть здесь употреблено фольклорное обозначение сказочной страны.

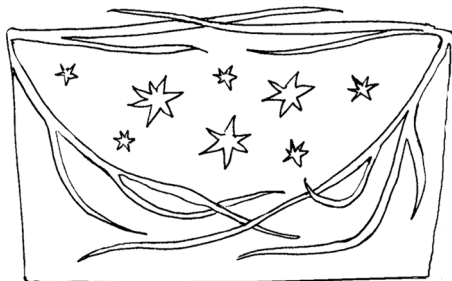
И – «словно в ответ на это» – вновь звучит эльфийская песня об Элберет. Причем в двойном варианте – сперва на Синдарине, потом на всеобщем:

A! Elbereth Gilthoniel!
silivren penna miriel
o menel aglar elenath,
Gilthoniel, A! Elbereth!
We still remember, we who dwell
In this far land beneath the trees
The starlight on the Western Seas.

То есть фактически повторяется то, что было в самом начале – песня о дороге и песня об Элберет снова звучат вместе. Только эпизод с Черным всадником пропадает – что логично, Кольца больше нет.

Тема дороги и тема пути на Запад звучат во «Властелине Колец» постоянно, и в конце эпопеи темы сплетаются воедино. Таким образом, получается, что речь идет не об абстрактном пути, а о пути с определенной целью и четко направленном, о пути, который ведет от дома – в некую прекрасную страну: собственно говоря, в Аман.

В начале я сказала, что могла бы назвать сюжет, который проявляется посредством стихов в романе, фоновым. Однако получается, что этот сюжет лучше было бы назвать по-другому. С помощью стихов создается **основной** сюжет, который постоянно присутствует в романе и в каком-то смысле является его главным сообщением – тем, что роман говорит читателю.

Артем Крюков

МЕТАМОРФОЗЫ ЛЕОДА, ИЛИ ЧЕРЕЗ ЭТИМОЛОГИЮ К ДЕМОГРАФИИ

Алиса в изумлении огляделась.

*- Что это? - спросила она. - Мы так и остались под этим деревом! Неужели мы не
стронулись с места ни на шаг?*

- Ну, конечно, нет, - ответила Королева. - А ты чего хотела?

*- У нас, - сказала Алиса, с трудом переводя дух, - когда долго бежишь со всех ног,
непременно попадешь в другое место.*

*- Какая медлительная страна! - сказала Королева. - Ну, а здесь, знаешь ли,
приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте! Если же хочешь
попасть в другое место, тогда нужно бежать по меньшей мере вдвое быстрее!*

Льюис Кэрролл «Алиса в Зазеркалье»

Имя *Леод* (*Léod*) сплетается с мифопоэтической моделью мира даже раньше, нежели в ней появляется герой, его получивший. Мы сталкиваемся с ним на Путих Мёртвых, следуя за порожистым течением истории Серой Дружины в изложении гнома Гимли (1), когда его рассказ разрывает маргинальная вставка, содержащая список имён королей Марки из Первой и Второй династий. В ряду древнеанглийских имён, выписанных Толкином в ходе работы над этим списком, мы и сталкиваемся с именем *Léod*.

Сам же герой и нарратив о нём войдут в историю намного позже – в документе, повествующем о Доме Эорла (2). Но всё же герой и имя сходятся не сразу: в рукописях отец Эорла появляется под именем *Гарман* (*Gārman*), и Дж.Р. лишь в последний момент склоняется к имени *Леод*. Однако это не тот случай, когда окончательный вариант имени полностью отменяет предшествующий.

Дело в том, что в полотне имён Мира сохраняется половина из семантически мотивированного параллелизма имен – *Фрумгар* (*Frumgār*) / *Гарман* (*Gārman*).

Отметим, что в мифопоэтической традиции всадников (3) герои, чьи имена собственные выражаются через одинаковые языковые элементы, имеют ипостасную преемственность. Так с одной стороны, прослеживается общая сквозная линия с включением в традицию именования предводителей всадников значения «*предводитель, правитель*». А с другой стороны, обратим внимание и на конкретный пример связи **имени** того или иного действующего лица с

определённым **содержанием**: *Folcƿred (Folcrēd) / Teodƿred (Deodrēd)* (4).

Заметим, что, как мы не раз столкнёмся с этим и впоследствии, антропоним *Фрумгар* принадлежит позднейшей традиции. Дело в том, что это имя имеет древнеанглийскую форму, в то время как оно должно было быть готским (5).

Язык эотеод начал изменяться к современной форме (6) на рубеже XIX и XX столетий Третьей Эпохи, то есть после событий 1899 года, когда с поражением восстания в Рованионе стало ясно, что беженцы не вернутся на родину. Но, учитывая инерционное свойство антропонимической лексики, – обновление фонда имен собственных в сравнении с именами нарицательными происходит с отставанием приблизительно в один век – древнеанглийский период антропонимической системы должен был начаться уже после *Фрама*, сына *Фрумгара*.

В словаре *Bosworth and Toller* мы найдём следующий узус значений слова *frumgār*: «вождь, лидер, принц, патриарх». То есть если рассматривать имя как принадлежащее к нарицательной лексике, оно очень хорошо раскрывает суть своего героя – вождя *эотеод*, приведшего свой народ в новую обширную страну, где тот впоследствии и приумножился в числе (ср. с Авраамом, приведшим в Ханаан свой народ).

Но, поскольку мы всё же имеем дело с антропонимом, рассмотрим имя *Фрумгар* с точки зрения древнеанглийской традиции именования (7).

По своей форме это составное имя, что характерно для традиций именования многих народов Средиземья. Имя *Frumgār* сформировано по модели *прилагательное + существительное*. Первый композит имени – *frum* «оригинальный, примитивный, первый» – употребляется как качественное прилагательное, несущее в себе характеристику последующего за ним существительного *gār* «копё»; то есть, буквальное значение имени – «первое копё». Однако, комбинация прилагательного *frum* с неодушевлённым существительным *gār* образует метонимический антропоним «воин» (8).

Семантический переход значений «первый» (= «занимающий первое положение в социальной иерархии») → «правитель» очевиден. То есть, мы наблюдаем ситуацию, когда имя становится эпонимом (9).

Но всё ж традиция, скорее всего, восходит к песне, исполненной во время тризны по герою. То есть *скоп* (др.-англ. *scop* «поэт»), сложивший *Поэму о Фрумгаре*, и бывший его младшим современником, общался с аудиторией, уже скорее, на древнеанглийском языке, нежели на готском. То есть это имя могло появиться весьма рано и отражать некие культурные контексты своего времени.

Так, первый композит имени *frum* можно интерпретировать и как прилагательное, и как количественное числительное (лат. *prīmus*), что несет в себе существенную социокультурную информацию. Имена, имеющие в своем составе числительное, указывают на влияние практики наречения, принятой в королевствах дунэдайн (10), на именник всадников, а в более широком аспекте отражают воздействие культуры дунэдайн на культуру всадников. Что указывает на раннюю ситуацию – вскоре после переселения к истокам Андуина связи *всадников* и Гондора прервались.

То есть имя *Frumgār* может иметь толкование ‘Копейщик Первый’; что отсылает нас к имени *Gārman(n)*.

Вследствие того, что для древнеанглийской традиции именования типично использование одного имени, средством выражения родственных связей являлись сами личные имена, не сопровождаемые никакими другими атрибутами антропонимической формулы. Это были чисто языковые приемы, используемые для идентификации и дифференциации родственных связей. Антропонимы *Frumgār* и *Gārman*, собственно, выступают как синонимы, а семантические нюансы указывают на то, что носитель первого имени был предшественником второго – указывая на родство и социальное положение их носителей (11).

Имя *Gārman(n)* сформировано по модели *существительное + существительное*. Буквальное значение очевидно: «копейщик» («копё» + «человек/мужчина») (12); первый композит имени *gār* играет роль модификатора второго композита *man(n)*, обозначающего деятеля.

Необходимо учитывать не только семантическую нагруженность и значимость композитов имени по отношению друг к другу, но и по отношению к культурным ценностям мира. Так, популярность композита *gār* в составных именах, вероятно, также связана с особым почитанием всадниками *бога* Бемы (13), одним из атрибутов которого было *копё* (ср. также с прародителем германцев, в передаче Тацита известным как *Mannus*). И это **возвращение** к вере в *богов* отражает определённый культурный регресс и архаизацию общества всадников. Что проявляется и в самоназвании: в лексеме *deod* четко прослеживается сема «язычники» (14).

Вспомним также, что, по преданиям всадников, именно *Бема* привёл *меарас* в Средиземье. А учитывая, что процесс наречения носит либо характер своеобразного отгадывания сущности человека через его имя, либо наделения человека судьбой через имя (в нашем случае негативной...), то это опять же приводит нас к имени *Гарман*.

И остаётся только надеяться, что Дж.Р. не планировал проводить здесь никаких параллелей с этнонимом *Germānī*.

Но почему же тогда этот герой известен нам как *Леод*?

Давайте рассмотрим узус значений, даваемый словарём *Bosworth and Toller* для лексемы *lēod*.

И начнём с достаточно нетипичного значения – «вира за убийство человека»; то есть *lēod* выступает как синоним лексемы *ver* (как варианта *vergild*).

В принципе, генезис семантического сдвига «муж» → «плата за убийство одного мужа» ясен. Собственно, такой же сдвиг произошёл и в русском: слово *вира* происходит от того же протоиндоевропейского корня **wīr-*, от которого произошли слова со значением «муж» (15).

Следует отметить, что обычай *вергельда/виры* вводился для вытеснения *кровной мести* – а, как мы помним, дружина Эорла ожидала, что он свершит именно её! Но сын *Леода*

поступил иначе – за смерть «мужа» (др.-англ. *lēod*, от и.-е. **lewd^h-*) он потребовал «свободу» (лат. *liber*, др.-греч. *ἐλεύθερος*, от и.-е. **h₁lewd^h-o*) коня:

«*Felaróf* I name you. You loved your **freedom**, and I do not blame you for that. But now you owe me a great **weregild**, and you shall surrender your **freedom** to me until your life's end (16)».

Но любопытно, также то, что перед тем, как наречь коня именем *Felaróf*, Эорл позвал его именем *Mansbane* (*Man(n)bana*). Второй компонент этого имени – существительное *bana* означает «убийца»; то есть буквальное значение имени – *Людская Погибель* («человек/люди» + «убийца»). Однако, кроме *Леода/Гармана*, насколько нам известно, конь никого не убил. Таким образом, и имя *Гарман* остаётся в неуловимой близи, проблескивая за строчками текста и порождая имена и события.

Разумеется, в лексеме *lēod* присутствует и поэтическая сема «вождь, лидер, принц»; ср. с *Geata leoda* и *Wedera leod* (из *Беовульфа*) (17). То есть сквозная традиция именования предводителей *эотеод* соблюдается...

И, наконец, мы подошли к основной семе *lēod* – «человек» (ср. с старославянским *людие* «люди, народ»). Вновь подчеркнув синонимичность лексем *man(n)*, *ver* и *lēod*, перейдём к более интересующему нас значению «народ/люди». Собственно, кроме того, что «принял он смерть от коня своего», нам известно о Леоде только то, что в его дни *эотеод* настолько вырос в числе, что ему стало тесно в своей стране.

Древнеанглийская лексема *lēod* восходит к протогерманскому **leudiz*, происходящем от и.-е. **lewd^h-* «расти, развиваться». Первичное значение слова (этимон) сохраняется в протогерманском **leudanan*, от которого происходят готское *liudan* и древнеанглийское *leodan*. В латино-сабелльской группе итальянских языков и древнегреческом языках произошёл семантический сдвиг к значению «свободный»: лат. *liber*, др.-греч. *ἐλεύθερος*; но см. также древнерусск. *людинъ* «свободный человек» или бургунд. *leudis* «свободный муж (человек)». А в германских и славяно-прибалтийских языках – к значению «люди»: др.-англ. *leod*, др.-исл. *ljóð*, др.-верх.-нем. *liut*, лит. *liaudis*, латв. *Ļaudis*.

Следует отметить, что в готском языке отсутствовали слова типа др.-англ. *folc*, *leod* «народ» или др.-исл. *folk*, *ljóð*-, *lýðr* «народ». У готов самая крупная социальная группа обозначалась лексемой *fiuda* «народ», восхитившей к древнегерманской форме **biudo-* (из и.-е. **i^[h]eut^[h]-*) – к которой восходит также и др.-англ. *ðeod*.

Но к дням правления *Леода* корень *ðeod* становится архаизмом: происходит семантический сдвиг «народ» → «земля, территория, страна», ставший возможным благодаря длительному проживанию на одном месте людей, входящих в данное социальное объединение (см.: *Eorl the Young*

was lord of the Men of Éothéod) (18).

В значении «народ» лексему *deod* сменяют синонимы *folc* (см. *Folca*, *Folcwine*) и *leod*, которые восходят к и.-е. **pel-* «наполнять» и **lewd^h*- «расти, развиваться». Что, в общем-то, понятно: в отличие от жизни на равнинах *Рованиона*, изобильных свободными и малонаселёнными землями, поглощавшими избыток населения, людям в долине Андуина было проще отметить динамику изменения количества населения и увязать эту характеристику с семей «народ». Собственно, схожую логику семантического сдвига можно увидеть и в появлении латинской лексики *liberī* «дети» (растущие).

Можно сказать, что «люди» – это сверхнормативное население (*растущее*). В связи с этим соображением, обратим внимание на семантику корня *leod* в имени настоятельницы монастыря Баркинг под Лондоном – *Hildeleod*: вторая часть этого сложного слова имеет значение не «народ», а «много». То есть буквальное значение антропонима – «много сражающаяся», а метонимическое – «воительница» (с коннотацией «великая»). Само собой, здесь имеются в виду несколько иные *hild* (битвы, сражения) – «брани духовные», такие, как в *The Legend of St. Andrew*: «Fela ic gebád heardra hilda» (19); но и параллель с валькирией *Хильдр* прозрачна (20).

№п/п	поколение	Имя	год рождения	год смерти	дожитие	правил	первый ребёнок	количество детей	количество поколений
1	-2	Неизвестно							
2	-1	Леод	2459	2501	42*	?	26		
3	I	Эорл Юный	2485	2545	60*	44	27		I - III
4	II	Брего	2512	2570	58*	25	28-?	3-?	II - III
5	III	Балдор	2540-?	2569	29*-?	нет	нет-?	нет-?	II - III
6	III	Алдор Старый	2544	2645	101	75	20-?	4	III - V
7	IV	Фреа	2570	2659	89	14	24		III - V
8	V	Фреавине	2594	2680	86	21	25		III - V
9	VI	Голдвине	2619	2699	80	19	25		III - V
10	VII	Деор	2644	2718	74	19	24		III - V - ?
11	VIII	Грам	2668	2741	73	23	23	2-?	III - IV
12	IX	Хельм	2691	2759	68*	18	39-?	2-?	II - IV
13	X	Халет	2730-?	2758	<28	нет	нет-?	нет-?	II - III
14	X	Хама	2734-?	2759	<24	нет	нет-?	нет-?	II - III
15	X	Фреалаф	2726	2798	72	39	26		II - III
16	XI	Бритта Леофа	2752	2842	90	44	28		II - IV
17	XII	Валда	2780	2851	71*	9	24		II - III
18	XIII	Фолка Охотник	2804	2864	60*	13	26		II - III - ?
19	XIV	Фолквине	2830	2903	73	39	28	4	II - III
20	XV	Фолкред	2858	2885	27*	нет	нет	нет	II - III
21	XV	Фастред	2858	2885	27*	нет	нет	нет	II - III
22	XV	Фенгел	2870	2953	83	50	30-?	3	II - III
23	XVI	Тенгел	2905	2980	75	27	40-?	5	II - III
24	XVII	Теоден	2948	3019	71*	39	30	1	II - III
25	XVIII	Теодред	2978	3019	41*	нет	нет	нет	II - III
26	XVIII	Эомер	2991	3084	93	65	после 30	есть	I - IV - ?
	XVII	Теодвин	2963	3002	39*		28	2	
	XVIII	Эовин	2995	?			после 25	есть	

Ограниченность ресурсов окружающей природной среды постоянно грозило народам долины Андуина столкновением с демографическим кризисом. Например, одной из причин переселения *эотеод* на Север при *Фрумгаре* (1977 г. Третьей Эпохи) была перенаселённость долины Андуина.

Какие адаптационные возможности у них были? Мы коснёмся лишь изменений, связанных с осознанным выбором – как индивидуальным, так и коллективным. И факторы, ускоряющие или замедляющие прирост населения, хорошо известны: это брачность, уровень рождаемости, миграции.

Насыщение земель Эотеода в дни правления *Леода* привело к заметным изменениям в демографическом поведении народа, что, видимо, связалось в традиции с именем этого правителя.

Обратим внимание на таблицу: хорошо различаются три группы, отражающие разные демографические системы воспроизводства.

Первая группа состоит из 4-х поколений: *Леода*, *Эорла*, *Брего* и *Бальдора*. Она отличается поздним появлением первенцев – в 27,5 года (± 1 год); то есть характеризуется отложенной брачностью. Кроме того, для неё характерно ограничение естественной продолжительности жизни, которая для всадников составляла 73,5 года (± 1 год) (21); кстати, отец *Леода* по этому признаку, видимо, также попадает в эту группу.

Вторая группа включает шесть поколений 1-й Династии (от *Алдора* до *Грама*) и *Валду* из 2-й Династии. Эта группа, в сравнении с предыдущей, характеризуется значительно более ранним появлением первенцев – 24 года (± 1 год) (а это практически ещё один ребёнок на семью!) и характеризуется высокой степенью дожития.

Третья группа отражает позднейшую демографическую ситуацию, появившуюся в связи с воздействием гондорской цивилизации, и сейчас нами рассматриваться не будет.

Вторая группа, скорее всего, отображает восстановление брачных обычаев, бытовавших среди *эотеод* до адаптационного сдвига, вызванного заселенностью земель на Севере, и сохранённых традицией. Однако, если возвращение к традиционной системе воспроизводства на землях Марки понятно чем вызвано (22) и исполнимо (23), то с изменениями в ментальности народа всё несколько сложнее.

Дело в том, что сдвиг породил такую характерную для *рохиррим* особенность поведенческой модели, как *panache* (внезапная удачная атака, порыв, сметающий любое сопротивление). Эта модель, вводимая с целью повышения смертности, оказалась неожиданно результативной – и закрепилась в психотипе. В сглаженном виде она проявлялась в непреклонности решений, в рецидивах же обнаруживая склонность к припадкам яростного безумия.

Учитывая, что при традиционном воспроизводстве рост численности народа составлял от 2 до 3 промилле в год [усреднённое значение за длительный период], это должно было обеспечивать удвоение численности населения за 2 или 3 века. Следовательно, мы можем предположить, что *Фрумгар* привёл на Север порядка 2 000 всадников.

Кстати, интересную параллель *Гарману/Леоду* можно найти в итальянской мифологии. Обратим наше внимание на бога, известного у латинян и сабинян как *Кви́рин (Quirinus)*, а у умбров под именем *Вофион (Vofionus)*.

В древности этимологию имени *Квирина* связывали либо с названием сабинского города Куры (Cures), либо с сабинским словом *quiris* (копё). Ныне же находят, что в основе имени находится слово *vir* «человек, муж, гражданин». Таким образом, имя *Quirinus* происходит от *co-virinos* (ср. *curia* из *co-viria*); где префикс *co-* означает «объединение, совокупность, совместимость» (ср. с готским префиксом существительных *ga-* со значением «совместность», рассматриваемый Масловым как «абстрактный показатель предельности»). Не случайно поэтому он выступает богом покровителем народного собрания – «[богом] сограждан».

Умбская протоформа имени Вофион **lowfiōno-* восходит к лексеме **lowfiō-*, происходящей от и.-е. **h₁lewǵʰ-o* (24). Однако, в отличие от латино-сабелльской формы, семантика оскско-умбская ближе к германо-балто-славянской стемме со значением «люди»; то есть *Вофион* – «[бог] людей».

Вообще обнаруживается много общих черт между германским и оскско-умбской группой итальянских языков. См., например, отсутствующие в латыни оскско-умбские формы *tuitō-* «народ» (ср. уже упомянутое *deod*), *treb-* «обитать» (ср. нем. Dorf), *uend-* «поворачивать» (ср. нем. wenden, англ. to wind); этимология умбских *pir* «огонь» и *utur* «вода» может быть объяснена только при сопоставлении с соответствующими германскими словами. Дело в том, что археологические данные допускают существование двух волн итализации Апеннинского полуострова (25).

То есть использование в *LotR* имени *Леод* обуславливается тем, в каком контексте предстаёт перед нами герой. Вполне возможно, что, будь нам известны иные предания всадников (26), мы бы повстречали и имя *Гарман*.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Сказание это приобретает окончательный облик в ходе работы над главой «The Last Debate»; то есть по первоначальному замыслу к этому времени мы должны были уже познакомиться как с роханской традицией о Путиях Мёртвых, так и с Бальдором, сыном Брего.

(2) LotR, Appendix A.II «The House of Eorl».

(3) Сохраняемой вербально в форме песен. См.: “Many lords and warriors, and many fair and valiant women, are named in the songs of Rohan that still remember the North” («Многих предводителей и воинов, а также прекрасных и отважных жён, помнят песни Рохана, повествующие о Севере»).

(4) Первые компоненты имён: *folc* и *deod* – синонимы и имеют значение «народ», второй

компонент – *gæd* «совет, решение»; то есть буквально: «народ + совет». Но, как под влиянием объекта номинации (человека, мужчины), так и под влиянием значений, сопровождающих основ (в меньшей степени), второй компонент подвергается семантическому переходу из класса существительных абстрактных в класс существительных с конкретной семантикой, обозначающей деятеля – «советник». Первые же композиты имён играют роль модификатора. Таким образом, имена трактуются как «Народный советник».

Фолкред был старшим сыном и наследником короля Фолквине. Вместе с братом-близнецом Фастредом он пал в битве у брода через реку Порос в Итилиене (в 2885 году Третьей Эпохи). Курган, в который положили близнецов, «долго возвышался... над берегом реки, и враги Гондора страшились проходить там» («Long it stood, Haudh in Gwanûr, high upon the shore of the river, and the enemies of Gondor feared to pass it»).

Теодред был единственным ребёнком и наследником короля Теодена. Он пал в ходе первой битвы у Бродов Изена (25 февраля 3019 года Третьей Эпохи). Теодред сам попросил похоронить его там, где он пал – на маленьком островке посреди Изена: «хранить Броды, пока не придёт Эомер» («to keep the Fords till Eomer comes»).

(5) С помощью готского языка Дж.Р. передавал наречие северян Рованиона.

(6) Передаваемой Дж.Р. с помощью древнеанглийского языка.

(7) Существенным отличием будет, пожалуй, только довольно серьёзная разница в отношении к односоставным именам. Так в древнеанглийском антропонимиконе односоставные имена составляют 15,2% от общего количества имён; они частично определяли социальный статус носителя – обычно как представителя народа, не принадлежащего к высшим слоям общества. В то время как в именнике всадников их было значительно больше, и носить их не чуралась не только знать, но и короли.

(8) Метонимический перенос основан на пространственно-временном тождестве композитов и в данном случае представлен синекдохическим образованием, при котором часть («копье») репрезентирует целое («воин/копейщик»).

(9) Дж.Р. *создаёт* историю, в которой антропоним становится именем нарицательным.

Причём отметим, что с точки зрения истории текста: вначале возникает **событие**, – нарратив о переселении эотеод к истокам Андуина – а потом появляется **деятель**.

(10) См. *Rómendacil I, Atanatar I, Hyarmendacil I, Narmacil I*, etc.

(11) Заметим, что в наше родное раннее средневековье копьё относилось к числу архетипичных предметов, включаемых в инаугурационные церемонии. Так в 744 году лангобардскому королю Хильдепранду при избрании вручили копьё – «согласно обычаю». Мервинги также изображали себя на монетах с копьями в руках.

(12) И, в принципе, учитывая современную относительную распространённость этого антропонима, оно вполне может быть понятно и носителю английского языка.

(13) Имя валы Оромэ на *вестроне*.

(14) Ср.: из гот. источников – «*jah þiudos þozei ni kunnun gub*» – «народ, который не знал Бога» (рус. синод. перев. – «как язычники, не знающие Бога») (1 Фесс., 4:5); из др.-англ. – «*fæet wæs fremde þeod ecean dryhtne*» – «Это был народ, чуждый Богу» (Beow. 1693).

(15) В готском – *wair*, древнеанглийском – *ver* (из **uiros*), древнеисландском – *verr*, древневерхненемецком – *wër*, ирландском – *fer*, латыни – *vir* (*virī*), литовском – *vyras*, древнеиндийском – *vīrā*.

(16) «Фелароф я нарекаю тебя. Ты любил волю, и я не виню тебя в этом. Но ныне ты должен мне великую виру – и ты вручишь мне свою волю до конца своих дней».

(17) О. Смирницкая переводит как «ратеначальник» и «вождь гаутов».

(18) Интересно проследить за появлением в тексте этнонима *эотеод*. В начале работы над Appendix A.П Дж.Р. просто отмечает, что *Эорл* «родился на Севере»; далее он уточняет – «в *Ireland* на Севере»; наконец, вычёркивает *Ireland* и заменяет на *Eoðeod*. Таким образом, *Эотеод* вплетается в мифопоэтическую модель мира не как этноним, а как топоним! Но, исходя из лингвистических соображений, это имя должно было быть этнонимом; и оно становится им – только архаическим (в Марке вместо него использовали самоназвание *эорлинг*) – задавая тем самым Миру «глубину».

(19) *many hard battles have I experienced* (множество тяжких битв я познал).

(20) Ср. с младшей сестрой *Хельма*, *Хильд*, матерью *Фреалафа* – основателя Второй династии Марки.

(21) Дж.Р. замечает, что «обычно рохиррим жили лет до восьмидесяти». Но противоречия тут нет – дело в том, что понятие *средняя продолжительность жизни* довольно обманчиво по своей природе (как «средняя температура по больнице»). Правильнее говорить отдельно о возрасте естественного дожития и о долгожительстве.

(22) Вследствие реконкисты лана Каленардон, осуществившейся при королях *Брего* и *Алдоре*, пространственный фактор, ограничивающий прирост населения, был снят.

(23) С оговорками на *идеальность* модели, сохраняемой в традиции.

(24) В оско-умбрской группе итальянских языков индоевропейские звонкие придыхательные **-dʰ* и **bʰ* перешли в *f* – ср. оск. *mesiai*, лат. *mediae*; оск. *tifei*, умбр. *tefe*, лат. *tibi*. Причём следует отметить, что спирантизация звонких придыхательных в оско-умбрском происходила не только в начале слова как в латинском, но была характерна и для середины слова, то есть наблюдается полное соответствие с германской системой.

(25) Ср.: «Языки итальянской ветви проникли в Италию не как единое целое, а, по меньшей мере, двумя волнами, отделенными одна от другой значительным промежутком времени. За этот промежуток времени накопились те различия, которые отделяют латинский язык от оско-умбрской группы в целом» (Тронский И.М. Историческая грамматика латинского языка (§34). – М., 1960)

(26) Или предания иных народов Севера.

ЛИТЕРАТУРА

Tolkien J.R.R. *The Lord of the Rings* (электронный англ. текст).

Tolkien J.R.R. *The Peoples of Middle-Earth* (The History of Middle Earth. Series 12) (электронный англ. текст).

Tolkien J.R.R. *The War of the Ring* (The History of Middle-Earth. Series 08) (электронный англ. текст).

A Handbook of Germanic Etymology by Vladimir Orel. Copyright 2003 by Koninklijke Brill NV, Leiden, The Netherlands.

An Anglo-Saxon dictionary, based on the manuscript collections of the late Joseph Bosworth; edited and enlarged by T. Northcote Toller. http://www.ling.upenn.edu/~kurisuto/germanic/oe_bosworthtoller_about.html

Баччи М.Л. Демографическая история Европы / Серия «Становление Европы»: Пер. с итал. А. Миролюбовой. – СПб.: Александрия, 2010.

Бойцов М.А. В шкурах или в пурпуре? К облику варварских королей времён «падения» Римской империи//Искусство власти: Сборник в честь профессора Н.А. Хачатурян. – СПб.: Алетейя, 2007

Кузьменко Ю.К. Ранние германцы и их соседи: Лингвистика, археология, генетика / Отв. редактор Н.Н. Казанский. – СПб.: Нестор-История, 2011.

Сорокина Е.А. К реконструкции древнегерманского **pēudanoz*// Проблемы концептуальной семантики языка и речевой деятельности: Материалы 1-й Всероссийской научной конференции. – Иркутск: ИГЛУ, 2007.

Сорокина Е.А. Семантическая реконструкция древнегерманской социальной лексики (на материалах готского, древнеанглийского и древнеисландского языков): Автореф. дисс... докт. филол. наук. – Волгоград, 2009.

Толкин Дж.Р.Р. Неоконченные предания Нуменора и Средиземья. – ТТТ, 2002.

Топорова Т.В. Имя собственное как указатель ипостасно-персонажной преемственности// Индоевропейское языкознание и классическая филология – VIII (чтения памяти И.М. Тронского) / Отв. редактор Н.Н. Казанский. – СПб., 2004.

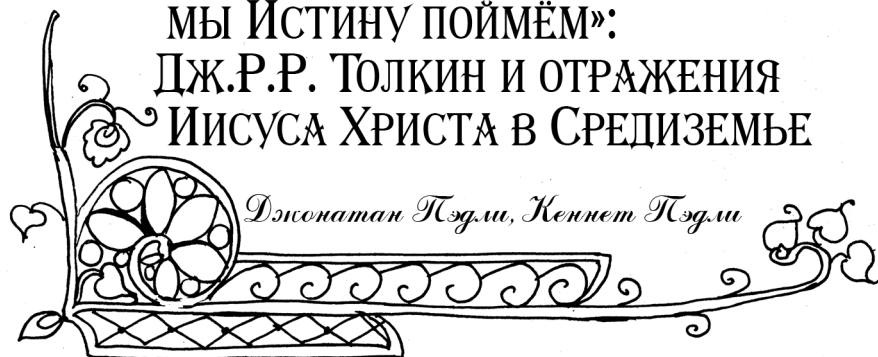
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка (электронный текст).

Чурсина И.С. Развитие антропонимикона английского языка (морфонологический и социокультурный аспекты): Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук (2002) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://31f.ru/dissertation/35-dissertaciya-chast-1-iz-2-razvitie-antropnimikona-anglijskogo-yazyka-morfonologicheskij-i-sociokulturnyj-aspekty.html>

Шиппи Т. А. Дорога в Средьземелье: Пер. М. Каменкович – СПб.: Лимбус Пресс, 2003.

«...И В ОТРАЖЕНИИ ИСТИНЫ ЯСНЕЙ МЫ ИСТИНУ ПОЙМЁМ»:

ДЖ.Р.Р. ТОЛКИН И ОТРАЖЕНИЯ ИИСУСА ХРИСТА В СРЕДИЗЕМЬЕ

(Опубликовано в: England, 2010, vol. 39 #224 pp. 70 – 92)

Перевод Марии Семенихиной

За последние полвека христологическая образность в мифологии Средиземья Дж.Р.Р. Толкина рассматривалась многими авторами более или менее детально и с разной степенью успешности. Некоторые производили частичный или общий обзор данной темы, в особенности – того, что касается жертвенной природы миссии Фродо или параллелей между возвращением Гэндальфа и воскресением Христа. Один-двое сделали попытку более систематического сопоставления. Но в общем, все эти суждения попадают в собственную ловушку – либо они обобщенны до банальности, либо слишком пристрастно-назидательны, чтобы оценить по справедливости преломляющий эффект мистического стиля толкиновских книг. Соответственно, до сих пор не существует всеобъемлющего исследования, как именно христологические образы действуют в центральных толкиновских произведениях: «Властелине Колец» (1) и «Сильмариллионе». Цель настоящей работы – восполнить этот осознаваемый пробел путем рассмотрения трех наиболее значимых ключевых христологических образов Средиземья: Гэндальфа, Фродо и Арагорна. В ходе последующего исследования мы рассмотрим элементы божественной природы Христа (в связи с Гэндальфом), человечность Христа (в связи с Фродо) и царственность Христа (в связи с Арагорном). Этому будет предпослан анализ собственного понимания Толкином его взаимоотношений с религиозной составляющей своих произведений, для объяснения того, как он сам воспринимал присутствие подобных образов в своей мифологии.

Преломленный свет

Поскольку Толкин заявляет, что его мифопозэя не задумывалась как аллегория, то неправильно было бы утверждать, — по крайней мере в пределах выражаемой им самим авторской интенции — что он открыто ввел в свой легендариум (2) прямые подобия Христа. Тем не менее, хотя Толкин был убежден, что не пишет аллерию, он очевидно осознал, что, по мнению других, он ее пишет — и это его тревожило. Когда в 1966 г. вышло в свет второе издание «Братства Кольца», он ощутил потребность добавить замечание по этому поводу в «Предисловие» к книге (3). В более личном ключе он высказался в письме к Майклу Стрейту 1956 г.:

Надеюсь, «Властелин Колец» вам понравился? *Понравился* — вот ключевое слово. Ибо писалась книга для того, чтобы *развлечь* (в высшем смысле этого слова): чтобы ее было приятно читать. Ровным счетом никакой аллери в ней *не* содержится: ни нравственной, ни политической, ни современной (4).

Подобным же образом Толкин упрекнул Питера Гастингса в 1954 г., что тот, по его мнению, читал его легендариум слишком серьезно или не в том направлении (*Letters*, p. 181). Короче говоря, содержание писем Толкина (и, добавим, стиль его произведений) отчетливо и периодически указывает на отрицание аллери. В недавней работе Томаса У. Смита убедительно объясняется, почему это так:

Возражения Толкина против аллери объясняются ее ограниченными возможностями. Аллегория сужает пределы читательского воображения, ставит жесткие рамки для толкования текста. С точки зрения Толкина (отчасти), если автор использует аллерию, то он (или она) стесняет свободу читателей позволить авторской образности изменить их жизненный опыт. Но Толкин также приглашает нас мыслить широко по поводу применимости его повествования к этому опыту. В произведении, наполненном религиозным мировидением, художник освещает и одухотворяет каждое измерение своего жизненного опыта при помощи линзы веры (5).

Эта «линза веры» — возможно, то, что так мешает некоторым читателям и критикам Толкина принять его отказ от утверждения, что он пишет аллериически. Как утверждает Смит, со стороны Толкина этот отказ может выглядеть противоречащим его приверженности христианству (которое и в истории, и в Писании столь многим обязано аллериической экзегезе и герменевтике текстов (6)). Насколько христианину Толкину удавалось не писать о своих верованиях аллериически, — так может ставиться вопрос — когда они были, очевидно, столь фундаментальной частью его религиозного воспитания? В конце концов, в раннем детстве Толкина его мать-англиканка обратилась в католицизм — и это решение привело ее к потерям и лишениям и окрасило в особые тона остаток ее жизни, равно как и жизнь ее сыновей. Вера, в

которой Толкин был воспитан в эти годы, формирующие сознание ребенка, отчетливо заметна в его последующей переписке, а память о ее воздействии – в более широком круге его текстов. В отрывистом письме 1958 г. Деборе Уэбстер он указывает принадлежность к христианству среди ключевых «фактов» о себе и своем легендарииуме:

...я родился в 1892 г. и первые годы своей жизни прожил в «Шире» в домеханическую эпоху. Или, что еще более важно, я – христианин (что можно вывести из моих историй) и, собственно говоря, принадлежу к римско-католической церкви (*Letters*, p. 288).

Это признание получает развитие в одном из наиболее известных писем Толкина, в котором он описывает «Властелина Колец» своему другу-иезуиту Роберту Марри как «произведение, в основе своей религиозное и католическое» (*Letters*, p.172). Однако дальше в письме к Марри он сообщает, что в романах не выражает свою веру в открыто религиозном виде, «ведь религиозный элемент вобрала в себя сюжет и символика» (*Letters*, p.172) (7).

Эта последняя строка является центральной на пути к исполненному тонких нюансов компромиссу между религиозными источниками и их выражением в литературе, которого достиг Толкин. По утверждению Смита, творчество Толкина – это действительно «работа, исполненная религиозного мировидения», но это мировидение для Толкина полностью «вбирают в себя сюжет и символизм» Средиземья. Оно не сразу заметно – и не предназначено для этого: читатель, по расчетам Толкина, не должен читать (о) Средиземье и сразу же распознавать в нем религию «первичного» (реального) мира. Такое узнавание отвлекло бы внимание от свойств собственно мифа и Фаэри в толкиновской мифологии, которые должны привлекать и сами по себе, но одновременно нести потенциальный смысл для первичного мира и давать его новое видение – проникновение в его суть. Клайд Б. Нортрап убедительно показал, что «для того, чтобы [толкиновская] фантазия действовала успешно, она должна создаваться из Первичного Мира и отсылать читателя обратно к Первичному Миру» (8). Следовательно, любое дистанцирование от нашего первичного мира, который вписан в толкиновский фантастический вторичный мир, существует – по крайней мере, отчасти – для того, чтобы способствовать процессу «исцеления», описанному Толкином в его знаменитом эссе «О волшебных сказках». Во время этого процесса мы заново открываем или «исцеляем» «вещи, некогда привлекавшие нас своим блеском, или цветом, или формой», которые мы до этого приобрели, спрятали в надежном месте и перестали на них смотреть (9):

Творческая фантазия [...] распахнет двери вашей сокровищницы, и все, что там заперто, разлетится, точно птицы из клетки. Все драгоценные камни превратятся в цветы или в языки пламени, а тебя предостерегут: все, чем ты владел (и все, что ты знал), опасно и обладает немалым могуществом, и цепи тут бессильны: вольные и дикие, все эти привычные вещи принадлежат тебе не более, чем ты – им (“Fair-

Stories”, p. 147)

Таким образом, истинная фантазия, истинные волшебные сказки и, если продолжить, истинные мифы правдивы и подлинны, потому что они заставляют нас обратить свой взор назад, в прошлое, к реальности – к истине: «моменты, на которых следует здесь сделать акцент – это ореол истины и вневременности, которым окружен миф, и, главное, попытка мифа объяснить мир, стремление вывести в рассказе нечто вроде мировой формулы, космической модели» (Hiley, p. 839). Посредством этого мы можем воспринимать и постигать уже известное по-новому и/или более полно, потому что известное помещается в новые контексты, в которых оно может быть увидено свежим взглядом.

Верлин Флигер исследует далее это толкиновское понимание (языка) Фээри и мифа, рассматривая аргументы Толкина и его друга Оуэна Барфилда против афоризма филолога конца XIX в. Макса Мюллера, что мифология – это «болезнь языка» (10). Под влиянием «Языка поэзии» Барфилда Толкин впоследствии заявил в эссе «О волшебных сказках», что на самом деле все наоборот: это языки – болезнь мифологии, а сами языки появились благодаря первоначальному творческому соприкосновению людей с Фээри и мифом, и никак иначе. Когда воображение занято процессом мифопоэзии, «создается новая форма, начинается Фээри, а человек становится вторичным творцом» (“Fairy-Stories”, p.122).

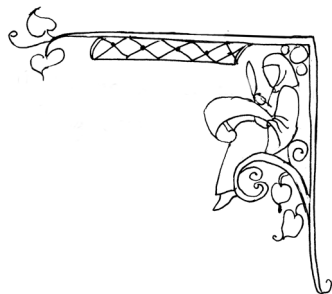
Эта идея произрастает из понимания Толкином отношений между Богом (Творцом) и человеком (вторичным творцом): «Фантазия остается правом человека: мы творим в меру отпущенных нам способностей и на вторичном плане, потому что сами мы сотворены: и не просто так, а по образу и подобию Творца» (“Fairy-Stories”, p. 145). По мнению Флигер, это понимание определяет толкиновскую теорию вторичного творения – как в нашем первичном мире язык развивается из мифологии – и имеет параллели как с развитием языков в Средиземье, так и с темой разложения предвечного, первоначального Света, которая образует метанарратив толкиновского легендариума:

Весь «Сильмариллион» – о свете, свете, трактуемом именно с той точки зрения, которую выдвигал и отстаивал Барфилд. Это нечто, начинающееся как «определенная духовная реальность», которая затем делится на «чистую человеческую мысль» и «физический свет», а потом разделяется – как слова и как понятия – на мириады фрагментов, каждый из которых служит для выражения и описания толкиновского мира и тех, кто его населяет (Flieger, p. 70).

Процесс, который Флигер здесь описывает применительно к «Сильмариллиону», сходным образом описал сам Толкин в «Мифопоэзии» – поэтическом ответе 1931 г. на «Мизомифа» К.С. Льюиса (Льюис в то время высказывал сомнения, способен ли миф передавать первоначальную истину):

...ведь человек, хоть малый, но творец! –
Он призма, в коей белый свет разложен
и многими оттенками умножен
и коей сотни форм порождены,
что жить у нас в мозгу насаждены [...]

Наш взгляд в Саду Эдемском, может статься,
от созерцанья Света оторваться
захочет и невольно упадет
на то, что видеть этот Свет дает,
и в отраженьи Истины ясней
мы Истину поймём...(11) [пер. С. Степанова]

Короче говоря, Толкин как создатель мифопозэии признал природу своего художественного труда, утверждая, что «параметры возможного, в рамках которых должен работать автор, *определяются* его жизненным опытом» (12). Идеи и образы, вдохновлявшие его в первичном мире, оказались рассеянными («разложенными», если употребить глагол самого Толкина из «Мифопозэии») по всему повествованию о мире вторичном, и, таким образом, на одном из уровней его образовательный и культурный облик неизбежно повлиял на облик Средиземья. Интерес Толкина как филолога (13) к языкам проходит через всю историю Арды и ее народов. Толкин учился у античных авторов, у которых, например, заимствовал легенду об Атлантиде, ставшую основным прообразом для падшего острова Нуменор. Также он был знатоком древней Англии, живой образ которой виден в Рохане, особенно – в городе Эдорасе и золотом дворце Медусельд. Если расширить этот принцип до более высокого уровня, как показала Флигер, то вера Толкина также несомненно преломляется через призму Фаэри в его легендарии. Для него

...не только абстрактные мысли человека, но и *создания его воображения* должны происходить от Бога, и, следовательно, должны отражать хотя бы малую часть вечной истины. При создании мифа, в процессе «мифопозэии» [...] рассказчик, или «вторичный творец», [...] на самом деле исполняет намерение Бога и отражает преломленные лучи истинного света. (14).

Таким образом история Христа в Евангелиях «вошла в Историю и первичный мир; желание и стремление к вторичному творчеству возвысились до воплощения Господнего замысла» («Fairy-Stories», p. 156).

Христологическая образность

Джозеф Пирс досконально исследовал, как христологические образы и их репрезентации (образность) переходят из представлений Толкина о вере и о теории литературы в его произведения:

Личность Христа – это Истинный Герой, который придает исходный смысл героизму всех меньших героев. Таким образом, неудивительно, что герои Толкина возникают как подобию Христа, напоминая его читателям об архетипическом Герое, который наделяет своих собственных меньших героев значимостью и самим *raison d'être* [смыслом существования] (15)

Некоторые из христологических аллюзий «Властелина Колец» осознавались Толкином в процессе написания книги вполне отчетливо, и поэтому их легко распознать. Просто не может быть совпадением то, что Содружество Кольца покидает Ривенделл 25 декабря, или что Единое Кольцо уничтожается в Расщелинах Рока 25 марта, в день Благовещения (праздник, знаменующий воплощение Христа). Вторая разновидность христианских аллюзий – те, которые сам Толкин, возможно, осознавал, но его читатели их не могут заметить без его указаний. По самой своей природе они немногочисленны и расположены далеко друг от друга. Третья же – и наиболее неуловимая – это те, которые Толкин не распознавал или не желал распознавать, но читатели их обнаруживают, хотя они, видимо, и не входили в авторский замысел. Крик петуха (III, 103; ср. Мк. 14:68 – 72 [*«... и вышел вон на передний двор, и запел петух... Тогда петух запел во второй раз. И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом: прежде, нежели петух пропоет дважды, отречешься от Меня...»*]); герои, мучимые жаждой (III, 216, ср. Ин. 19:28 [*«После того Иисус, зная, что уже все совершилось, да сбудется Писание, говорит: жажду»*])); человек, говорящий с большой властью (III, 66; ср. Мк. 1:27 [*«И все ужаснулись, так что друг друга спрашивали: что это? что это за новое учение, что Он и духам нечистым повелевает со властью, и они повинуются Ему?»*])) – все это хотя бы частично наводит мысли о Писании, однако только у немногих читателей. Мы согласны с выводом Флеминга Ратледжа, что «если то здесь, то там и встречаются места, в которых я вижу нечто, не осознаваемое самим Толкином, то это потому, что Толкин настолько жил и дышал Евангелием, христианской традицией и литургикой, что их влияние переполняет буквально каждое слово этого текста» (Rutledge, p. 11). Таким образом, здесь присутствуют различные степени ассоциаций с Христом, а также различные степени авторского знания и исключительности. Такие свойства, как воплощение и воскресение, явно более присущи Христу, чем, например, лидерство или целительство. Эти последние свойства можно найти у многих – как у христианских святых, так и у героев других традиций, но следует помнить, что для Толкина в первичном мире они были бы выражены с наибольшей полнотой в личности Иисуса.

Один из элементов стиля Толкина, создающих дополнительные затруднения при идентификации христологических смыслов – это то, что Клайд Килби называет

«противоследовательность» (contrasistency). Килби изобретает этот неологизм для обозначения сознательной и неожиданной смены вектора или смешения образов, что идет непредсказуемо, но отчетливо вразрез с читательскими ожиданиями. «Рядом с ним, – пишет Килби, – возникало ощущение удивительной цельности и одновременно в той или иной степени – какой-то последовательной непоследовательности, которая была и естественной, – возможно, такова была природа его гения – и сознательно, почти нарочно, культивируемой, от чего он даже получал удовольствие» (Kilby, 'Preface' (n.p.)). Важно понимать, что противоследовательность – это не просто способ простить автору те пассажи, в которых концы с концами не сходятся, поскольку она выявляет не слабые различия, а яркие контрасты. Говоря словами Килби (курсив наш), это «*последовательная непоследовательность*». Противоследовательность не ослабляет предполагаемых ассоциаций – напротив, она их усиливает.

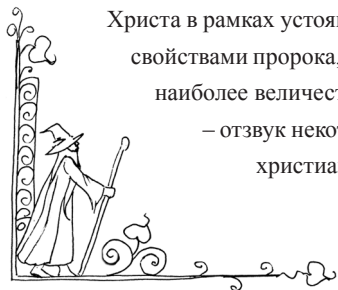
Наиболее значимый на сегодняшний день образец христологического прочтения Толкина, как ни странно, вышел из-под пера Барри Гордона (1934 – 1994), австралийского профессора истории экономической мысли. Эссе Гордона «Царство, священство и пророчество во «Властелине Колец»» было написано в двух вариантах в начале 1960-х, но осталось неопубликованным. Две более поздние работы на него ссылаются, но самого текста эссе в открытом доступе нет (16). По мнению Гордона, три роли Иисуса – царь, священник и пророк – можно видеть соответственно в Арагорне, Фродо и Гэндальфе. Гордон писал до публикации «Сильмариллиона», «Писем» и догадок Килби и Флигер, и поэтому он только в ограниченной степени показывает, как христологическая образность «Властелина Колец» вписывается в более широкое видение Толкином Средиземья и в его авторский стиль. Хотя Гордон осознает, что характеристики священника, пророка и царя нельзя раз и навсегда привязать к какому-либо персонажу легендарнума, мы можем теперь видеть, как это соответствует толкиновскому сознательному избеганию аллегории, его преломлению первичного мира через образную призму и использованию противоследовательности.

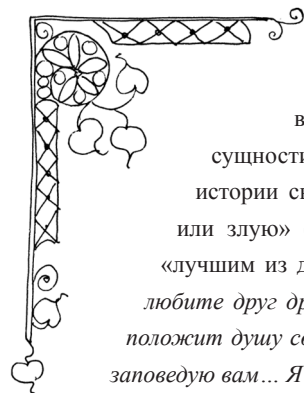
Гэндальф

Очевидно, что наш детальный анализ следует начать с фигуры Гэндальфа. Тезис Гордона здесь наиболее уязвим, так как основывает сравнение Гэндальфа и Христа как пророка на роли Гэндальфа как «главного советника и наставника тех, кто трудится ради свержения Саурана» (17). «Пророк» – это самое низшее и наименее значимое из трех служений Христа в рамках устоявшейся христианской традиции (18), и хотя Гэндальф наделен свойствами пророка, ими его власть и сила не ограничиваются. Гэндальф – один из наиболее величественных христологических персонажей, и его «иномирность» – отзвук некоторых высочайших атрибутов божественности, которые видят христиане у Иисуса.

Христианская традиция рассматривает истинное пророчество как исключительное свойство и дар Божий.

Точнее, предвидением грядущих событий наделен

только Бог. Гэндальф обладает мудростью пророка, но не знанием будущего. Он – один из Истари, Мудрых: волшебник великой силы и проницательности. Его мудрость проявляется в неясном, но решающем интуитивном прозрении жизни и сущности Голлума: «Сердце говорит мне, что он еще сыграет в этой истории свою роль, прежде чем все кончится, – не знаю только, добрую или злую» (I, 69). Благодаря его разумным советам Фродо называет его «лучшим из друзей» (I, 68; ср. Ин. 15:12 – 15) [*«Сия есть заповедь моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих. Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам... Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего»*], а Теоден величает «мудрейшим из советников» (II, 129; ср. Исаия 9:6)

[*Ибо младенец родился нам – Сын дан нам; владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира*] – и все же мудрость не делает пророчество наиболее важным или определяющим свойством Гэндальфа. Конечно, Гэндальф не всеведущ, как евангельский Иисус, ибо порой дар предвидения ему изменяет. Он догадывается о судьбе Голлума (I, 65), но не может предсказать, что Боромир оступится (II, 99). После гибели Боромира Гимли порицает Гэндальфа за изменивший ему дар предвидения – что усиливается ответом Арагорна: «Гэндальф вызвался идти отнюдь не потому, что предвидел для себя и других благополучный исход» (II, 43) (19). Это правда, которую знал о себе сам Гэндальф: «Даже мудрейшие из мудрых не могут всего предусмотреть» (I, 69).

Несмотря на неумение предвидеть события будущего, все же Гэндальф напоминает Христа – в частности, многое в нем напоминает божественную природу Христа. Гэндальф – явно выходец из иного мира. Он – Майа, низшее ангельское существо, которое Валар послали в Средиземье (*Letters*, p. 201 и далее). От большинства окружающих истина скрыта: им кажется, что перед ними просто старик. Только те, кому открыто знание его истинной природы, понимают его значение: «Гэндальф куда могущественнее, чем вы, засельчане, думаете» (I, 185), – говорит Бродяга хоббитам в Бри. Толкин очень тонко ощущал, до какой степени природу Гэндальфа можно приравнять к воплощению Бога, которым христиане считают Иисуса: «Я бы дерзнул сказать, что он – *воплощенный* «ангел»: в прямом смысле слова *ἄγγελος*» (*Letters*, p. 202) (20). Под «воплощенным» Толкин подразумевает, что Истари «облеклись в физические тела, способные испытывать боль и усталость, и угнетать дух физическим страхом, и быть «убитыми», хотя, поддерживаемые ангелическим духом, они могли просуществовать весьма долго, и признаки утомления от забот и трудов проявлялись в них крайне медленно» (*Letters*, p. 202). Это описание воплощения в Средиземье, которое Толкин приводит в письме к Роберту Марри, берется в кавычки и имеет целый ряд оговорок и ограничений – уклончивый язык, к которому Толкин прибегает то и дело. В черновике так и не отправленного письма он пишет, что у Валар есть ограниченная способность к воплощению: «Благодаря своей любви к Эа и благодаря той роли, что они сыграли в ее созидании, они *желали* и *могли* воплощаться в

зримые физические обличия, хотя таковые сравнимы, скорее, с нашей одеждой (насколько одежда является выражением индивидуальности), нежели с нашими телами» (*Letters*, p. 285). В черновике другого письма – к Майклу Стрейту – Толкин еще более прямолинеен:

Ни в этой истории, ни в мифологии в целом «воплощения» Творца нет. Гандальв [*так у переводчиков*] – это «сотворенное» существо; хотя возможно, что и дух, существовавший прежде в физическом мире. Его функция как «мага» – *angelos*, или посланника Валар, или Управителей, – содействовать разумным созданиям Средиземья в их сопротивлении Саурону, чья власть оказалась слишком велика, чтобы справиться с ней без помощи свыше. Но поскольку в контексте данного предания и мифологии Власть — когда она подчиняет или стремится подчинить чужую волю и умы (кроме как с их осознанного согласия) – есть зло, эти «маги» приняли облик обитателей Средиземья и потому испытывали боль как физическую, так и душевную. Они также, по той же причине, тем самым подвергались опасности существ воплощенных: возможности «падения», греха, если угодно. В их случае опасность главным образом облекалась в форму нетерпения, что вело к желанию принудить других поступать во благо им же самим, и так, неизбежно, под конец – к просто-напросто желанию утверждать свою волю любыми средствами. Этому злу и предался Саруман. А Гандальв – нет. Однако с падением Сарумана положение настолько ухудшилось, что от стороны «добра» потребовалось больше усилий и жертв. Так Гандальв встретил и принял смерть; и вернулся, или был послан назад, как говорит он сам, обретя еще большую силу. Но хотя это отчасти напоминает Евангелие, на самом деле это – совсем не то же самое. Воплощение Господа – явление *бесконечно* более великое, нежели все, о чем я дерзнул бы написать (*Letters*, p. 237).

И снова в портрете Гэндальфа Толкин показывает и сходство, и коренное различие между ним и его прототипами из первичного мира: Гэндальф тварен, но обладает свойствами «воплощения». Он и похож, и непохож на Иисуса: говоря толкиноведческими терминами, Гэндальф противоследует Иисусу.

Благодаря этому качеству Гэндальф получает роль лидера – что христиане также ассоциируют с божественной природой Иисуса. Гэндальф назначен Элрондом вести отряд Хранителей Кольца из Ривенделла, ибо «Кольцо – его великая забота, и с разрешением ее, возможно, все его труды и подвиги завершатся» (I, 289). Он внушает доверие другим – например, Гимли, который соглашается следовать за ним сквозь страшные подземелья Мории:

– Я вступлю на него [этот путь] вместе с тобой, Гэндальф, – сказал Гимли. – Я хочу увидеть чертоги Дьюрина, что бы меня там ни ожидало – если только ты отыщешь закрытые Ворота (I, 310)

Даже заблудившись в морийских тоннелях, Гэндальф «твердо знал, куда хочет попасть, и шел не сбиваясь, несмотря на мрак и бесконечные повороты, – шел, пока хоть одна дорога вела к намеченной цели» (I, 324). Его лидерство опирается на умения, которые не под силу простым смертным.

В качестве волшебника Гэндальф также проявляет чудесную силу, напоминающую о «делах Божиих», которые мы видим у Иисуса в Новом Завете. Оба обладают даром исцеления, что подразумевает более глубокие смыслы. В Эдорасе Гэндальф исцеляет Теодена, одновременно будто изгоняя злого духа и открывая глаза слепому: зло убирается прочь, а король ощущает прилив свежих сил и становится моложе на вид. «Вдохни свежего воздуха!» – говорит ему Гэндальф (II, 120, 126). Похожим образом Христос исцелял «одержимых бесом» в древней Палестине (напр. Мк. 1: 21 – 28) [*«И приходят в Капернаум; и вскоре в субботу вошел Он в синагогу и учил... В синагоге их был человек, [одержимый] духом нечистым, и вскричал: оставь! что Тебе до нас, Иисус Назарянин? Ты пришел погубить нас! знаю Тебя, кто Ты, Святой Божий. Но Иисус запретил ему, говоря: замолчи и выйди из него. Тогда дух нечистый, сотряси его и вскричав громким голосом, вышел из него. И все ужаснулись, так что друг друга спрашивали: что это? что это за новое учение, что Он и духам нечистым повелевает со властью, и они повинуются Ему? И скоро разошлась о Нем молва по всей окрестности в Галилее»*] и возвращал зрение – что намекало на более глубокие истины (Ин. 9) [*«И, проходя, увидел человека, слепого от рождения. Ученики Его спросили у Него: Равви! кто согрешил, он или родители его, что родился слепым? Иисус отвечал: не согрешил ни он, ни родители его, но [это для] [того], чтобы на нем явились дела Божии. Мне должно делать дела Пославшего Меня, доколе есть день; приходит ночь, когда никто не может делать. Доколе Я в мире, Я свет миру. Сказав это, Он плюнул на землю, сделал брение из плюновения и помазал брением глаза слепому, и сказал ему: пойди, умойся в купальне Силоам, что значит: посланный. Он пошел и умылся, и пришел зрячим...»*]. Следует также отметить, что и в Мории, и в Минас Тирите применение Гэндальфом магии истощает его силы (I, 340: III, 83). Иисус также после исцеления кровоточивой женщины чувствует, что его сила убавилась (Мк 5:30) [*«В то же время Иисус, почувствовав Сам в Себе, что вышла из Него сила, обратился в народе и сказал: кто прикоснулся к Моей одежде?»*] (21).

Гэндальф обладает волшебной властью над огнем, который Толкин на самом глубинном уровне приравнивает к огню Духа Святого. «Я – слуга Тайного Огня, и оружие мое – пламя Анора» (I, 344), – выкрикивает Гэндальф, преграждая путь Балрогу на мосту Казад-Дума. Чудовище может быть массой дыма и пламени, но в распоряжении волшебника – огонь более глубокий. В похожий поединок вступают Гэндальф и Черный Всадник с пламенеющими глазами у ворот Минас Тирита (III, 103). Связь Гэндальфа с огнем ведет к Христу через образы Моисея и Илии. Бог обращается к Моисею со словами ободрения из горящего куста (Исх. 3), а Гэндальф защищает сотоварищей от голодных волков при помощи круга горящего кустарника (I, 312). Подобно Илии на горе Кармил (3 Цар. 18), Гэндальф зажигает намокший хворост на Карадрасе – событие, достойное упоминания еще и благодаря эффекту, на который оно было рассчитано:

– Если кто-нибудь за нами наблюдает, для него больше не секрет, что я тоже участвую в походе, – вздохнул волшебник. – Это было все равно что начертать в облаках огненными буквами «Здесь был Гэндальф». От Ривенделла до устья Андуина эти буквы прочтет любой невежда.

Так же и рассказ об Илии демонстрирует силу Божию в руках пророка. Таким образом, хотя Моисей и Илия умерли задолго до рождения Христа, тем не менее, они важны для представлений христиан о своем Господе, так как они были яркими представителями иудейского Закона и пророками, и поэтому являются, вероятно, наиболее значимыми предшественниками самого Христа. Жизнь Иисуса, как она отражена в Евангелиях – особенно в Евангелии от Матфея – описывается по образцу жизни Моисея (22). Подобно тому, как Моисей вывел еврейский народ из Египта, Христос бежит в Египет и возвращается оттуда (Мф. 2:13 – 23); затем в тексте Евангелия деяния Иисуса описываются по аналогии с пламенными проповедями Илии (Мф. 3:11 –12 [*«Я крещу вас в воде в покаянии, но Идущий за мною сильнее меня; я не достоин понести обувь Его; Он будет крестить вас Духом Святым и огнем; лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Свое и соберет пшеницу Свою в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым»*], ср. Малахия 3 – 4 [*«...а Исава возненавидел и предал горы его опустошению, и владения его - шакалам пустыни. Если Едом скажет: «мы разорены, но мы восстановим разрушенное», то Господь Саваоф говорит: они построят, а Я разрушу, и прозовут их областью нечестивою, народом, на который Господь прогневался навсегда»*]). Наиболее открыто роль Моисея и Илии в истории Иисуса проявляется в сцене Преображения: когда ученики – Петр, Иаков и Иоанн – смотрят на Иисуса, Его одежды становятся сияюще-белыми и Он беседует с этими двумя великими еврейскими героями (Мк. 9: 2 – 8). Мотивы чистоты, белизны и огня, присутствующие в Преображении, возникают в связи с Гэндальфом в нескольких сценах, в особенности после его «смерти». Серый волшебник становится белым, но даже и в этом новом качестве его «царственное достоинство скрыто до времени» (III, 29). Это величие время от времени проявляется, как у Христа во время Преображения. Сцена Преображения – частичное воспоминание о том, как у Моисея после разговора с Богом от лица исходило сияние, когда он спустился с горы (Исх. 34:29, 35) [*Когда сходил Моисей с горы Синая, и две скрижали откровения были в руке у Моисея при сошествии его с горы, то Моисей не знал, что лице его стало сиять лучами от того, что [Бог] говорил с ним... И видели сыны Израилевы, что сияет лице Моисеево, и Моисей опять полагал покрывало на лице свое, доколе не входил говорить с Ним*]. Отголосок этого виден в описании Преображения евангелистом Марком: толпа, приветствующая Иисуса после возвращения с горы, «изумилась», видя, как Он изменился (Мк. 9:15). Это очень похоже и на то, как у Гэндальфа сияет лицо в Изенгарде (II, 175).

Свет очевидно был важен для Толкина в духовном смысле. В очень личном письме сыну Кристоферу Толкин вспоминает переживание, которое случилось с ним однажды во время молитвы перед причастием: «Я видел Свет Божий (или думал о нем); и в нем подрагивала одна крошечная пылинка...» (*Letters*, р. 99). Эта пылинка – человек, озаренный Светом Божиим

посредством лучей, которые Толкин приравнял к Ангелам-Хранителям. Чистота и яркость более всего ассоциируются с Гэндальфом благодаря его прозвищу «Белый Всадник». Сначала взял на время, а потом и получив в награду коня Скадуфакса, Гэндальф скачет на нем с невероятной скоростью, чтобы выполнить свою миссию. Здесь снова заметна христологическая образность, на сей раз заимствованная из Откровения: «И увидел я отверстие небо, и вот конь белый, и сидящий на нем называется Верный и Истинный, Который праведно судит и воинствует» (Откр. 19:11). Здесь Христос – Предводитель Небесного воинства, в то время как Гэндальф – духовный вождь армий Средиземья:

У Черного Властелина есть Девятеро. У нас – Один, Белый Всадник, но он сильнее Девятерых. Он прошел огонь и бездну. Девятеро не могут не страшиться его. Мы пойдем за ним всюду (II, 104).

Конечно, наиболее сильные христологические ассоциации отмечаются комментаторами в возвращении Гэндальфа после мнимой смерти под мостом Казад-Дума (23). Как и воскресший Иисус на живописных полотнах, Гэндальф носит белое одеяние, и его не узнают даже ближайшие друзья (Ин. 20:14 [*«Сказав сие, [Магдалина] обратилась назад и увидела Иисуса стоящего; но не узнала, что это Иисус»*]; см. тж. Лк. 24:13 – 35 [*«В тот же день двое из них шли в селение, отстоящее стадий на шестьдесят от Иерусалима, называемое Эммаус; и разговаривали между собою о всех сих событиях. И когда они разговаривали и рассуждали между собою, и Сам Иисус, приблизившись, пошел с ними. Но глаза их были удержаны, так что они не узнали Его...»*])). Подобно каноническим Евангелиям, не вдающимся в детали того, как именно произошло Воскресение, подробности произошедшего с Гэндальфом так и остаются невыясненными (II, 176). Говорится, что он «изменился» (II, 195) (24) – ключевое слово в описании ап. Павлом телесного воскресения (1 Кор. 15:51 – 52) [*«Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся»*]]. Его глаза «сверкают, как солнечные лучи» (II, 98), словно у преображенного Иисуса в Откровении (Откр. 1:14 [*«глава Его и волосы белы, как белая волна, как снег; и очи Его, как пламень огненный»*], 19:12 [*«Очи у Него как пламень огненный, и на голове Его много диадим. [Он] имел имя написанное, которого никто не знал, кроме Его Самого»*])). У Гэндальфа, вернувшегося к жизни, есть новое свойство – появляться на заре и во исполнение обещания (II, 145 – 148), что у христиан ассоциируется с Воскресением Христа и Его словами о Евхаристии. Однако воскресение Гэндальфа, описываемое во «Властелине Колец», одновременно и похоже, и непохоже на Воскресение Христа. В письме к Роберту Марри Толкин отмечает, что «Гандальф действительно «умер» и был преображен» (*Letters*, p. 201). Однако, слово «умер» стоит в кавычках, и умершим Гэндальф пребывал гораздо дольше, чем три дня, в отличие от Иисуса (III, 373). Здесь мы опять сталкиваемся как с подобием, так и с противоречием.

Окончание следует.

Примечания

(1) Ссылки на «Властелина Колец» (за исключением оговоренных отдельно) делаются в виде номера тома и страницы (например, II, 257) на следующие издания: I – J.R.R. Tolkien, *The Fellowship of the Ring* (London: George Allen&Unwin, 1954); II – J.R.R. Tolkien, *The Two Towers* (London: George Allen&Unwin, 1954); III – J.R.R. Tolkien, *The Return of the King* (London: George Allen&Unwin, 1955) [Русский текст приводится по: Толкин Дж.Р.Р. *Властелин Колец*/Пер. М. Каменкович и В. Каррика. – СПб.: Азбука, 1995]. Библейские цитаты взяты из «Авторизованной версии» [она же Библия короля Иакова – перевод Библии на английский язык 1611 года]: хотя «какая именно Библия была в библиотеке Толкина – неизвестно» (Christina Ganong Walton, “Bible”, *J.R.R. Tolkien Encyclopaedia*, ed. by Michael D.C. Drout (New York: Routledge, 2006), pp. 62 – 64 (p. 63)), однако «часто отмечается, что язык «Сильмариллиона» очень сильно напоминает Библию – точнее, Библию короля Иакова» (*Modern Fiction Studies* [далее – MFS], 50.4 (2004), pp. 838 – 860 (p. 839)) [Русский текст дается по Библии в Синодальном переводе].

(2) «То есть все произведения, опубликованные и неопубликованные, которые не входят во «Властелина Колец»» (Shaun F.D. Hughes, “Introduction: Postmodern Tolkien”, *MFS*, 50.4, pp. 807 – 813 (p. 811))

(3) J.R.R. Tolkien, *The Fellowship of the Ring*, 2nd edn (London: George Allen&Unwin, 1966), p. 6.

(4) *The Letters of J.R.R. Tolkien*, ed. by Humphrey Carpenter (London: Harper/Collins, 2006), p. 232, курсив Толкина. См. тж. *Letters*, p. 220. [Русский текст приводится по: Дж.Р.Р. Толкин. *Письма*. – М.: ЭКСМО, 2004; пер. С. Лихачевой под ред. А. Хромовой и С. Таскаевой]

(5) Thomas W. Smith, “Tolkien’s Catholic Imagination: Mediation and Tradition”, *Religion and Literature*, 38.2 (2006), pp. 73 – 100 (p. 75)

(6) См. напр. Гал. 4.21-24 [«Скажите мне вы, желающие быть под законом: разве вы не слушаете закона? Ибо написано: «Авраам имел двух сынов, одного от рабы, другого от свободной». Но который от рабы, тот рожден по плоти; а который от свободной, тот по обетованию. В этом есть иносказание. Это два завета...»] и «О началах» Оригена (trans. G.W. Butterworth (London: SPCK, 1936)), гл. 4.

(7) См. тж. беседу Толкина с Клайдом Килби в статье «Мифические и христианские элементы у Толкина» (“Mythic and Christian Elements in Tolkien”, *Myth, Allegory and Gospel*, ed. by John Montgomery (Minneapolis: Bethany Fellowship, 1974), pp. 119 – 143 (p. 141)): «Я христианин, и, конечно, все, что я пишу, я пишу с этой неотъемлемой точки зрения».

(8) Clyde B. Northrup “The Qualities of a Tolkienian Fairy-Story”, *MFS*, 50.4 (2004), pp. 814 – 837 (p. 818)

(9) “On Fairy-Stories”, in J.R.R. Tolkien, *The Monsters and the Critics and Other Essays*, ed. by Christopher Tolkien (London: Harper/Collins, 2006), pp. 109 – 161 (p. 146) [Русский текст приводится по: Дж.Р.Р. Толкин. О волшебных сказках/Чудовища и критики и другие статьи. – М.: Elsewhere, 2006; пер. С. Лихачевой]

(10) «То, что мифотворчество возникло, когда истинные отсылки к старым понятиям забылись или стали пониматься превратно, и слова, более не понятные, стали применяться к новым понятиям, создавая новые мифы» (Verlyn Flieger, *Splintered Light: Logos and Language in Tolkien’s World* (Kent, OH: Kent State University Press, 2002), p. 69).

(11) “Mythopoeia”, in J.R.R. Tolkien, *Tree and Leaf* (London: Harper/Collins, 2001), pp. 83-90 (p. 83 and 90)

(12) Joseph Pearce, *Tolkien: Man and Myth* (London: Harper/Collins, 1998), p. 12.

(13) В некрологе в «Таймс» Толкин характеризуется как «тот, кто находился внутри языка» и имел «уникальный дар проникать в суть и языка поэзии, и поэзии языка» (Анонимный автор, “Professor J.R.R.

Tolkien: Creator of Hobbits and inventor of a new mythology”, *The Times*, 3 September 1973, p. 15; анонимный автор, “Professor J.R.R. Tolkien: Creator of Hobbits and inventor of a new mythology”, *J.R.R. Tolkien, Scholar and Storyteller: Essays in Memoriam*, ed. by Mary Salu and Robert T. Farrell (Ithaca: Cornell University Press, 1979, pp. 11 – 15 (pp. 12 – 13)). Некоторые предполагают, что эту статью написал К.С. Льюис, что сомнительно, так как он умер в 1963 году, за десять лет до Толкина. Однако, если учесть, что в ней не сообщается ничего о Толкине после 1959 года, кроме указания возраста, в котором он умер, и того, что за год до смерти он стал Командором ордена Британской Империи, то теоретически возможно, что Льюис действительно написал это заранее, а небольшие изменения и вставки в начальных абзацах были сделаны позднее, перед публикацией в сентябре 1973 года. В некрологе также интересно отметить лаконичную характеристику «Властелина Колец»: «В нем нет аллегории» (Salu and Farrell, p. 14).

(14) Humphrey Carpenter, *The Inklings: C.S. Lewis, J.R.R. Tolkien, Charles Williams and Their Friends* (London, Harper/Collins, 1997), p. 43.

(15) Joseph Pearce, “Christ”, Drouot, pp. 97-98 (p. 98). См. тж. Bradley J. Birzer, *J.R.R. Tolkien’s Sanctifying Myth: Understanding Middle-earth* (Wilmington, DE: I.S.I., 2002), p. 61 и Fleming Rutledge, *The Battle for Middle-earth: Tolkien’s Divine Design in The Lord of the Rings* (Grand Rapids: Eerdmans, 2004), p. 79.

(16) 5 мая 2009 года оба варианта этой неопубликованной статьи – ок. 1964 и 1967 гг. соответственно – были предоставлены нам вдовой автора, Мойрой Гордон, в виде электронных копий с оригинальных рукописей. Мы глубоко благодарны д-ру Гордон и другим, кто помог нам обнаружить эти важнейшие источники: Хэдди Браун (Бангорский Университет), Линде Купер (Университет Уоллонгонг, Австралия) и Джонни Ди Гравио (Ньюкаслский Университет, Австралия). См.: Clyde Kilby, *Tolkien & The Silmarillion* (Wheaton, IL: Harold Shaw, 1976), p. 55; и Birzer, p. 70.

(17) Barry Gordon, ‘Kingship, Priesthood, and Prophecy in *The Lord of the Rings*’ (1964), n.p.

(18) Социниане, предшественники унитариян [религиозное течение, провозглашающее единую природу Бога и отвергающее догмат о Троице] в XVII веке, особенно выделяли пророческое служение Христа как величайшее из трех, но это делалось по причине связи этого служения с рационалистическим подходом к Библии у социниан, а также с их неприязнью к провозглашению первенства царской и священнической ролей Христа в ортодоксальной церкви. См. *The Racovian Catechism* (Amsterdam [sic] – на самом деле Лондон], 1652), pp. 71 – 163.

(19) Ср. тж. слова Элронда (I, 284, 288, 289, 294)

(20) Здесь Толкин имеет в виду и оттенок значения греч. «ангелос» – «посланник».

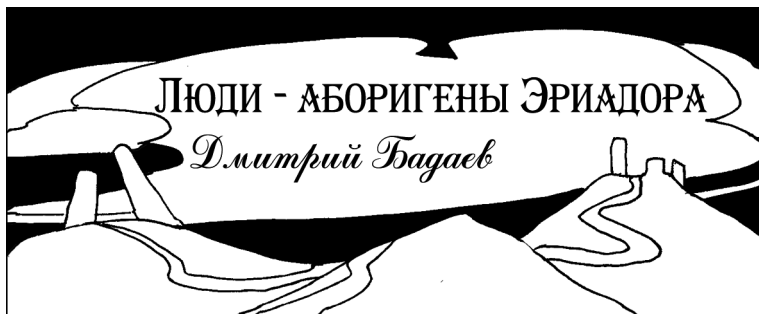
(21) Очевидно, Толкин помнил об этом чуде Иисуса, хотя Ратледж, возможно, делает слишком далеко идущие выводы, говоря, что это чудо «для него было важно» особенно в изложении Евангелия от Луки [«И женщина, страдавшая кровотечением двенадцать лет, которая, издержав на врачей все имение, ни одним не могла быть вылечена, подойдя сзади, коснулась края одежды Его; и тотчас течение крови у ней остановилось. И сказал Иисус: кто прикоснулся ко Мне? Когда же все отрицались, Петр сказал и бывшие с Ним: Наставник! народ окружает Тебя и теснит, – и Ты говоришь: кто прикоснулся ко Мне? Но Иисус сказал: прикоснулся ко Мне некто, ибо Я чувствовал силу, исшедшую из Меня» (Лк. 8:43 – 46)] (Rutledge, p. 11).

(22) См. Dale Allison, *The New Moses: A Matthean Typology* (Edinburgh: T&T Clark, 1993), pp. 137 – 290.

(23) См. напр. замечательные разъяснения Эллисон Милбэнк в ее недавней монографии «Честертон и Толкин как теологи» (*Chesterton and Tolkien as Theologians* (London, T&T Clark, 2007), p. 49 и далее).

(24) См. тж. *Letters*, p. 200

Эта статья стала результатом подбора справочных данных к нескольким ролевым играм из истории Средиземья Второй и Третьей Эпох. Но её материалы собирались давно – материалы по «диким» людским племенам Средиземья, оказавшимся «на периферии» событий, описанных во «Властелине Колец» и «Сильмариллионе». На периферии – но не вовне. Без них иначе сложился бы ход войн в Эриадоре Второй Эпохи, Ангмарских, Гондорских и Роханских войн Третьей, битв у Изенских бродов и в Хельмовом ущелье, похода роханского войска к Минас-Тириту, Пеленнорской битвы и других, менее известных сражений Войны Колец в Анориэне, Рохане и Дэйле. Без них не возникли бы Могильники в Минхириате, «пукколы» Дунхарроу и Тропа Мёртвых из Дунхарга в Эрех. Более того, без них не поднялись бы даже могучие «дунаданские» королевства Арнора и Гондора. Эти племена населяли огромные пространства на Западе и Востоке Средиземья. Правда, с Севером и Югом дело обстоит иначе: сведения об областях к северу от Окраинных гор крайне скудны – возможно, что людей, за исключением лоссотов, там могло не быть вовсе, а юг – Харад, Кханд и «Hither lands», «Африку Средиземья» (рис. 1) – Профессор едва ли не сознательно оставил почти совершенно «чистой страницей» своего мира. И во всяком случае, жители Харада не названы им в числе «дикарей».

Что же стоит за этим понятием у Профессора?

Аборигены Средиземья явственно уступали физически – силой, здоровьем, долголетием – нуменорцам и их потомкам дунаданам; но при этом далеко не все аборигены считаются дикими: они – племена Артэдайна (в их числе пригоряне) и Рованиона Второй Эпохи, потомки рованионцев – эйотеод, беорнинги, люди Дэйла, Эсгарота и Рохана – составляли «Второй народ», «Людей Сумерек», в число которых, по мнению Фарамира, к исходу Третьей Эпохи вошли и гондорцы. Людям Света и Сумерек противостоят Люди Тьмы Востока и Юга – вастаки, варьяги, харадримы, и возможно, ангмарцы – если, конечно, такой человеческий народ действительно существовал, о чём мы ясных сведений не имеем. Но были ещё горцы и лесовики Эриадора, Мглистых и Белых гор, «дикий народ» лоссотов с берегов Форохеля – это и есть «дикари» Средиземья, «вольный, дикий народ, не малые дети», как сказал Гханбури-Гхан. Они были вправе встать – и становились! – как на сторону сил Света, так и на сторону сил Тьмы вследствие тех или иных, существенных для них причин.

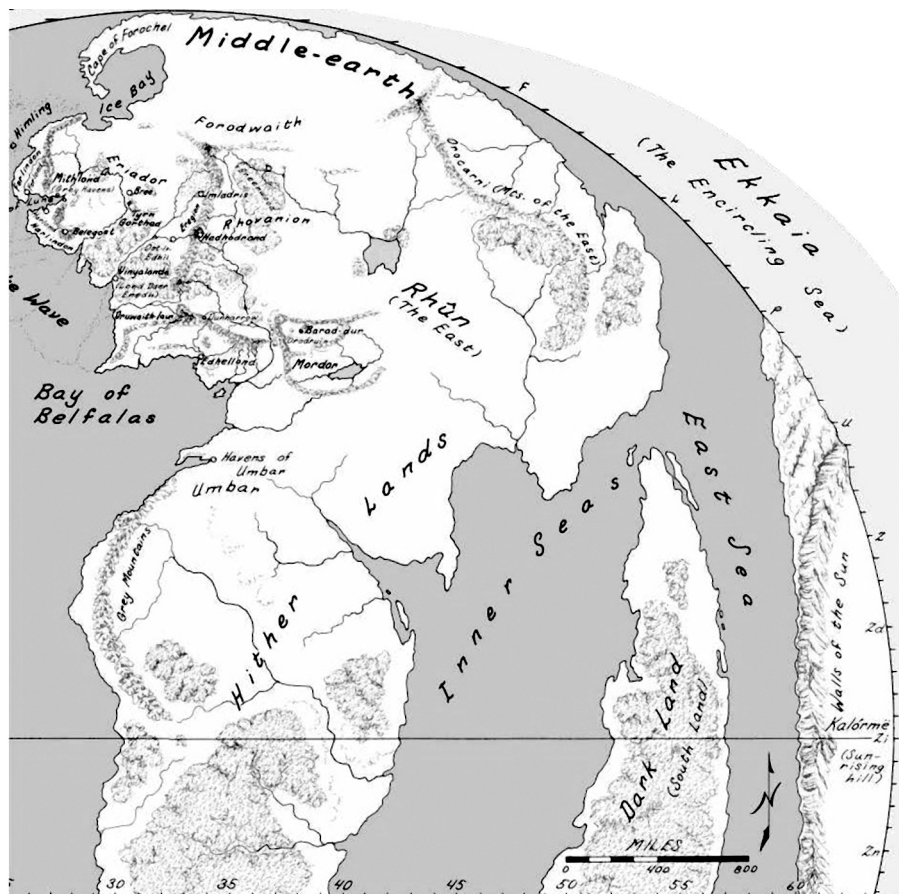

Рис. 1. Карта Средиземья и прилегающих к нему земель

Апологеты учения «людей древней надежды» возводят способность Смертных соблазняться посулами Тьмы к их изначальному «падению» – отпечатку «искажения Арды» на людской природе. Я не склонен рассматривать это учение в качестве авторской точки зрения Профессора: Андрэт не слишком, по-моему, подходит на роль персонажа-резонера, которую, кстати, во «Властелине Колец» сыграл Сэм (Фродо же выступил в роли персонажа-медиатора, то есть не «голоса», а «глаза» автора). Иную версию «падения» людей высказывает Эллендил в «Утраченном пути»: его «падшие» – это люди Средиземья, в отличие от нуненорцев, о которых он говорит: *«Мы еще не пали. И потому власть над миром, от Эрессеа до Востока, принадлежит – или будет принадлежать – нам»*. Для меня очевидно, что обе версии «падения» были порождены теми особыми условиями, в которых оказались Аданы Белерианда Первой Эпохи и их потомки нуненорцы во Второй. В первую очередь – их соседством и взаимоотношениями с Бессмертными эльфами и, в частности, с эльфийской

магией – Сильмариллами, палантирами, Кольцами власти. Это был великий соблазн, или, если угодно, «комплекс», как принято говорить в наше время (так же, как магия стала для Феанора и Келебримбора их собственным, эльфийским соблазном и «искажением»), и ему по-своему поддались как «люди древней надежды», так и нуменорцы – и Верные, и Люди Короля, и даже Чёрные. А силы Тьмы небезуспешно воспользовались этим соблазном и «комплексом».

Так что проблемы «падения» и «дикости» людей несколько не взаимосвязаны, хотя общее в их происхождении есть. Это влияние эльфов на культуру людей.

Известно, что основным культурным, этно- и даже миротворящим фактором в Средиземье Профессора служил язык. Второй по значению этноопределяющий фактор – расовый тип, ссылки на него у Толкиена постоянны. Но именно языки – основа и «становой хребет» Средиземья, которое, образно выражаясь, «стоит не на геологии, а на филологии». Здесь же заключено и различие между «культурными» и «дикими» народами. А культура Адан, нуменорцев, дунадан Арнора и гондорцев создавалась и заимствовалась ими от эльфов, и посредником в этом заимствовании выступал «среднеэльфийский» язык – синдарин. До конца Третьей Эпохи и, очевидно, позднее, он оставался государственным языком Гондорского королевства, основного государственного образования праведных людей Средиземья.

Однако среди людей были распространены и другие письменные языки – в первую очередь адунаик, который возник на основе языка аданского Дома Хадора и получил официальный статус в позднем Нуменоре в период борьбы с влиянием и наследием эльфов. В Средиземье ему были родственны языки сородичей Дома Хадора – племён Северного Эриадора и Рованиона, а также потомков рованионцев, вплоть до Рохана. Впрочем, роханский язык письменной традиции не имел. Именно на основе адунаика в Третью Эпоху возник и развился «всеобщий» язык вестрон, которым пользовались даже орки при общении между разными их племенами и породами, например, между гоблинами, мордорцами и урук-хаями. Вестрон – «вульгарный» язык и «культурообразующей функции» в Средиземье не имеет – по крайней мере, в рамках той культурной традиции, которая «отражена» в творчестве Профессора.

Но можно предположить, что такую роль могли играть другие письменные языки – адунаик у Чёрных нуменорцев первой трети Третьей Эпохи, и, возможно, позднее в Хараре и Умбаре; Чёрная речь Мордора – язык магической и государственной власти во владениях Саурана и назгулов; наконец, халадинский язык, очевидно, имевший свою письменность и давший начало языкам дунландцев, друадан, горцев Белых гор и, вероятно, известный также среди вастаков. Старейший из известных людских языков, талиска, язык Дома Беора, письменной традиции не оставил, будучи вытеснен среди Адан и нуменорцев в основном в Первую и окончательно во Вторую Эпоху синдарин и адунаиком.

Так вот, именно носителей собственных языковых традиций, не связанных с известными письменными традициями (халадинская в их число не входит и рассматривается здесь гипотетически), и принято было считать «дикими», находящимися вне «синдаринской» традиции – или её прямых Тёмных оппонентов, приверженцев Тёмной «антицивилизации». Для сравнения: в нашей истории в эпоху Просвещения дикарь определялся как человек, стоящий «вне закона», которым управляют обычаи или произвол. Существование законной власти (иначе

легитимной: первоначально наследственной монархии, а ныне – представительной демократии (парламентского типа) служило признаком цивилизации в общественной жизни. В экономике ту же роль играл свободный рынок: «дикарь», обменивая золотые самородки (или последний кокос, или собственных детей) на стеклянные бусы (или «огненную воду», или томагавк заводской ковки) уже приобщался к цивилизованному обществу. Тот же, кто упорствовал: «На кой нам ваши бусы, у нас свои не хуже, а хлебушко наш нам самим нужен!» – тот себя цивилизации противопоставлял, «коснел в дикости», и против таких «цивилизованный мир» запасался мушкетами и штуцерами, картечницами Гатлинга и пулемётами «Максим», ракетами «Томагавк» и прочим «высокоточным» орудием. Похоже, что таким порядок вещей остаётся и поныне.

Вот о таких «диких» народах и их уже «осеянных цивилизацией» сородичах нам и предстоит поговорить, вычленив всё, что сказано о них в творчестве Профессора. Следует заметить, что Средиземье – по крайней мере, его известная и населённая «разумными двуногими расами» «средняя полоса» между Фородвэйтом и Харадвэйтом от Синих до Красных (Ogocarni) гор (см. рис. 1) – не слишком обширна, и практически все народы, населяющие её, Профессором названы, что освобождает нас от потребности в «создании лишних сущностей». Начнём мы разговор с тех народов, которые обитали в Третью Эпоху (и, естественно, их предков) на равнине Эриадора между горами Эред Луин – Синими, Эред Нимрайс – Белыми и Хитаэглир – Мглистыми, включив сюда и Энедвейт, область, по этнополитическим причинам не рассматривавшуюся как часть Эриадора, с которым в начале третьей Эпохи ассоциировалось королевство Арнор.

Но предварительно мы обратимся к краткой этнической истории Средиземья – общей генеалогии людей и генеалогической лестнице, которую желающие смогут превратить в генеалогическую таблицу людских народов Средиземья.

Первые Люди (1) появились на берегах Куйвиэнен между побережьем моря Хэлкар и Красными горами. Они разделились на Южную ветвь (2), предков харадримов (4), варьягов Кханда (5) и друхов (друаданов) (6), поселившихся между морями Хэлкар и Рингол, в Хараде, и Северную ветвь (3), включавшую предков Аданов (7) и вастаков (8), поселившихся между морем Хэлкар (Рун) и Железными холмами. К этому периоду, видимо, относятся события Откровения Аданэли из «Атрабет Финрод эх Анрэт».

Предки Аданов (7) двинулись вслед за эльфами на запад, причём «северяне» (9) прошли в Эриадор через Высокий перевал в Мглистых горах, а «протохаладины» (10) спустились по

правому берегу Андуина до Аноризна и поселились в Каленардоне, где к ним присоединились форсировавшие Андуин друаданы (6), после чего они вместе проникли в Эриадор. Друаданы впоследствии обитали в Белерианде и Нуменоре, лесах Минхириата, горах Друвайт Яур и Аноризне (Друаданский лес).

К «северянам» принадлежат следующие народы: фородримы (11) из Дор-Дайделот и их потомки лоссоты (12) с берегов Форохеля, Дом Беора (13) и Дом Хадора (14), который смешался в Дор-Ломине с Домом Ульфанга (32) и, согласно гондрской исторической традиции, положил начало рованионцам (20), холмовники Эттенмура и Рудаура (26) и другие племена Северного Эриадора, ставшие предками арнорцев (25). Дом Беора (12), Дом Хадора (13) и Дом Халет (15) стали известны как Аданы (Эдайн) (16). Их потомками были нуменорцы (17), от которых произошли Чёрные нуменорцы (18) Умбара и Харада (возможно, также Ангмара) и дунаданы (19) Арнора и Гондора. От рованионцев (20) произошли народ Дэйла (21), Лесные люди (беорнинги) (22) и эйотеод (23), предки роханцев (24). Арнорцы (25) произошли от дунадан Эарендила, ассимилировавших племена Северного Эриадора, родственные домам Беора и Хадора.

Помимо халадинов Дома Халет (15), от протохаладинов (10) произошли жители Пригорья (27), племена полуострова Эрин-Ворн (28) в устье Брендивина и жители Дунланда Второй – середины Третьей Эпох (29). Дунландцы конца Третьей Эпохи (30), вероятно, были общими потомками дунланцев Второй Эпохи и холмовников (26), переселившихся в Дунланд после Ангмарских войн в конце XX века Третьей Эпохи.

К вастакам (8) принадлежат Дома Бора (31) и Ульфанга (32) Первой Эпохи, Возничие (33) Третьей Эпохи, часть которых, вероятно, поселилась на юге у моря Рингол (Внутреннего моря) и вступила в родство с народами Южной ветви (2), а также балхоты (34), бывшие, возможно, восточными рованионцами из клана короля Видугавии, ассимилированными Возничими. Можно гипотетически выделить группу оседлых вастков (35) – жителей северного побережья моря Рун к востоку от Дорвиниона и предгорий Красных гор в верховьях большой реки Восточного Руна.

После Первой Войны Колец (она же Эрегионская война) Второй Эпохи от смешения вастков (8), друадан (6) и дунландцев (29) произошли народы Юго-Запада Второй Эпохи (36). Их потомки – рыбаки Энедвейта (37), горцы Лоссарнаха (38) и Эреха (39): последние получили известность в Войну Кольца как «войско мёртвых». От смешения дунадан (19) с рованионцами (20) и горцами (38) произошли гондорцы (40).

Генеалогическая лестница представляет собой математическую основу составления генеалогической таблицы. Здесь шифр народа-«потомка» воспроизводит шифр «предка» с добавлением последней цифры, которая отличает данный народ от его «братьев» в «колене», а порядок (число цифр в шифре) определяет «колено» – ряд по вертикальной шкале. Народы, очевидно происходящие от двух «предков» – дунландцы конца Третьей Эпохи – получают двойной шифр (через косую черту), определяемый по обоим «предкам», а имеющие более двух «предков» и собственных «потомков», как Аданы и народы Юго-Запада Второй Эпохи, получают новый исходный номер.

Генеалогическая лестница

1. Первые Люди (1)
- 1.1. Южная ветвь (2)
- 1.2. Северная ветвь (3)
- 1.1.1. харадримы (4)
- 1.1.2. варьяги Кханда (5)
- 1.1.3. друхи (друаданы) (6)
- 1.2.1. предки Аданов (7)
- 1.2.2. вастаки (8)
- 1.2.1.1. «северяне» (9)
- 1.2.1.2. «протохаладины» (10)
- 1.2.1.1.1. фородримы (11)
- 1.2.1.1.1.1. лоссоты (12)
- 1.2.1.1.2. Дом Беора (13)
- 1.2.1.1.3. Дом Хадора (14)
- 1.2.1.2.1. Дом Халет (15)
2. Аданы (Эдайн) (16)
- 2.1. нуменорцы (17)
- 2.1.1. Чёрные нуменорцы (18)
- 2.1.2. Верные (дунаданы) (19)
- 1.2.1.1.3.1 рованионцы (20)
- 1.2.1.1.3.1.1. народ Дэйла (21)
- 1.2.1.1.3.1.2. Лесные люди (беорнинги) (22)
- 1.2.1.1.3.1.3. эйотеод (23) и роханцы (24)
- 2.1.2.1. арнорцы (25)
- 1.2.1.1.4. холмовники (26)
- 1.2.1.2.2. пригоряне (27)
- 1.2.1.2.3. племена полуострова Эрин-Ворн (28)
- 1.2.1.2.4. дунландцы Второй – серединыТретьей Эпохи (29)
- 1.2.1.2.4.1.\ 1.2.1.1.4.1. дунландцы конца Третьей Эпохи (30)
- 1.2.2.1. Дом Бора (31)
- 1.2.2.2. Дом Ульфанга (32)
- 1.2.2.3. Возничие (33)
- 1.2.2.3.1. балхоты (34)
- 1.2.2.4. оседлые вастаки (35)
3. народы Юго-Запада Второй Эпохи (36)
- 3.1. рыбаки Энедвейта (37)
- 3.2. горцы Лоссарнаха (38)
- 3.3. горцы Эреха - «войско мёртвых» (39)
- 3.1.2.2. гондорцы (40)

1. пригоряне,
2. дунландцы, сумеречники,
3. холмовники,
4. друаданы, друхи,
5. поморы,
6. лоссоты.

ER I A D O R

Emyn Uial
(Hills of Evendim)
Twilight Hills
Lake Nenuia
Annúminas
R. Brandywine
North Downs
Deadman's Dike (Fornest)
Weather Hills
The Great East Road
Lone-lands
Last Bridge
The Angle
River Brandywine
River Mithril (Chagwell)
South Downs
Andrath
fornest Inn
Bree-land
Bree
Hobbiton
Hills of Erym
Michel Delving
Green Hill Country
Sarn Ford
River Baranduin
The Greenway
Far Downs
White Towers
Long Barad (Lower Hills)
J.R.R.

Рис. 2. Эриадор

Подобно своим сородичам в Белерианде, общие предки пригорян и родственных им племён (см. «Дунландцы») обитали в полосе лиственных лесов Среднего и Южного Эриадора, к югу от Большого Восточного тракта (The Great East Road), на котором и расположено Пригорье (Bree-land) (рис. 2): это название (русское условное, конечно, но, по-моему, удачное), можно сказать, отличает их от северных соседей – «горцев» и «холмовников», сородичей Дома Беора. Видимо, как раз с эриадорскими сородичами халадинов связано возникновение знаменитых Могильников Тирн-Гортад в северном Минхириате по соседству с Пригорьем. Соплеменники пригорян – дунландцы, «сумеречники»; в отличие от них, пригоряне были более терпимы к чужакам: первоначально к эльфам Гил-Галада, своим ближним соседям (за Барандуином), странствующим гномам из Белегоста и Мории, а затем нуменорцам (преимущественно изгнанникам-Верным, ведь Пригорье находилось к северу от линии «Сарн Форд – Тарбад – Ангреност», границы владений колонии гавани Лонд Даэр) и, наконец, к арнорцам. Вошли в состав княжества Артэдайн, что вряд ли оказало серьёзное влияние на их внутренний общественный быт, но могло вызвать отток молодёжи в города – в Форност, а до того – в Аннуминас. Вряд ли они также служили в княжеском войске (это удел арнорцев-дунадан), но за себя постоять могли.

Вероятно, уже не пользовались халадинским языком, перейдя на вестрон, но подобно тому, как халадины дружили с «малым народом» друадан, были крепко связаны и жили совместно с хоббитами. Характерная особенность – «растительные» фамилии, вероятно, тотемного происхождения. Имена староанглийские, т.е. «вестронские». Преимущественно земледельцы, предпочитают сельский образ жизни, но живут компактно, общинами, а не хуторами (в Эриадоре, где встречаются, например, тролли, это небезопасно!), домоседы: в торговле более лавочники, чем купцы-путешественники. Жизнь «при большой дороге», возле Западного тракта, видимо, оказала решающее воздействие на их характер, где сочетаются сварливость и прижимистость с радушием, простоватость со смекалкой и юмором, а сибаритство со стойкостью и отвагой. Крайне негативно относятся к магии (случай с Фродо и Кольцом), памятуя, видимо, о Короле-Чародее и его присных. Мастерски сочиняют присловья и поговорки.

2. **Дунландцы**, синд. *gwathuirim* (гватуири́м), («О гномах и людях», прим.) – «народ с реки Гватло» или «сумрачный народ»: *«по-синдарски gwath означает «тьнь», сумерки, какие бывают в тумане, или в пасмурный день, или в глубоком ущелье»* («История Галадриэли и Келеборна, а также Амрота, короля Лориэна», прил. IV «Гавань Лонд Даэр»). Первоначально представляли «халадинский» (среднеевропейский) расовый тип (см. «Пригоряне») – по крайней мере, до 3 тысячелетия Третьей Эпохи. Изначально обитали в Минхириате и Энедвейте. Энедвейт не считался частью Эриадора, так как в Третью Эпоху формально принадлежал не Арнору, а Гондору, на деле же – дунландцам, отчего впоследствии и получил своё название, означающее «среднее владение», т.е. «ничейная земля». Привязка их прародины к району Белых гор в Приложении F «БК»: *«...the language of Dunlendings. These were remnants of the peoples that had dwelt in the vales of the White Mountains in ages past...In the Dark Years others had removed to the southern dales of Misty Mountains and thence some had passed into the empty lands as far as the Barrowdowns»* относится, видимо, к самым ранним страницам истории этого народа, ещё до того, «как люди пришли на Запад». В этом случае предки народа Халет обитали в Каленардоне – сначала на юге, в долинах Белых гор, где вступили в контакт с друаданами, затем на севере – у Мглистых, после чего двинулись в Эриадор и Белерианд.

«Народ Халет отличался от других Атани, и разговаривал на ином языке» («О гномах и людях», гл. «Атани и их языки»), от которого произошёл дунландский, международный язык «дикарей» – друадан, поморов и даже вастаков, не признававших синдарин и адунаик, и который повлиял в свою очередь на язык хоббитов (впрочем, происхождение хоббитского языка также связано с рованионской версией адунаика и талиской). «...отозвался Эомер, - только их вой и вопли какие-то не человеческие, а скорее птичьи, не то зверьи. – А вот ты бы вслушался, может, и слова бы различил, - возразил Гамлинг. – Дунландский это язык, я его помню смолоду. Когда-то он звучал повсюду на западе Ристаний» («ВК», Кн. 3, гл. 7). Этот язык был письменным: известна руническая надпись на дунладском (и на других языках), сделанная гномами на Восточных (sic!) вратах Казад-Дума («О гномах и людях», прим.). На том же языке, возможно, была надпись на вратах Димхольта (Пути Мёртвых) между Дунхарроу и Эрехом.

Предполагаемые основатели Тарбада, ещё до путешествий Алдариона, который «поднимался вверх по реке Гватло до самого Тарбада» («Жена моряка») – главного контактного (торгового) центра в Эриадоре и Энедвейте. Вступили в конфликт с нуменорцами из-за вырубки лесов при строительстве в устье Гватло гавани Виньялондэ (Лонд Даэр Энед) и затем для строительства кораблей в Нуменоре. В итоге были оттеснены на север к устью Барандуина на полуостров Эрин Ворн и на восток в Северный Энедвейт, т.е. Дунланд: «многие из лесных жителей побережий к югу от Эред Луин, особенно в Минхириате, относились историками к народу Халет; но они стали самым ожесточенными врагами нуменорцев, из-за их безжалостности и вырубки лесов, и эта ненависть осталась неутоленной даже в их потомках, которые присоединялись к любым врагам Нуменора. В Третью Эпоху остатки этого народа были известны в Рохане как Дунландцы» («О гномах и людях», гл. «Атани и их языки»). После переселения распались их связи с лесными духами (см. «Друаданы»), а друхов-горцев они опасались – «не осмелились перейти Изен и поселиться на большом полуострове между Изеном и Лефнуи, образовывавшем северный берег бухты Бельфаласа из-за «Rikelt», скрытного и свирепого народа, неутомимых и безмолвных охотников, стреляющих отравленными стрелами» (см. «Друаданы» и «История Галадриэли и Келеборна»).

В Эриадорской войне племена Энедвейта поддерживали Саурона, и враждебное отношение дунландцев к эльфам сохранилось до начала Четвёртой (!) Эпохи: «Дунландцы разбегались и прятались при виде эльфов, хотя эльфы сюда забредали редко» («ВК», Кн. 6, гл.5). Впрочем, и нуменорцы окончательно освоились в Лонд Даэр, не говоря уже о Тарбаде, не сразу. Можно сказать, что Лонд Даэр Энед был построен на руинах Виньялондэ Алдариона, разорённого «сумрачным народом».

«В Минхириате и Энедвайте росли обширные, почти сплошные леса, их не было только в центральной части равнины, на Великих Болотах. Леса начали исчезать в результате деятельности Тар-Алдариона, короля-морехода, который подружился с Гил-Галадом и заключил с ним союз. Алдарион очень нуждался в древесине: он хотел сделать Нуменор великой морской державой; но когда он принялся валить леса в Нуменоре, это вызвало большое недовольство. Приплыв к берегам Средиземья, Алдарион был поражен его бескрайними лесами. Он решил построить в устье Гватло гавань, которая принадлежала бы только нуменорцам (Гондора, само собой, еще не существовало). И Алдарион начал там большое строительство, которое продолжилось и даже расширилось после его смерти. Этот опорный пункт в

Эриадоре сыграл позже важную роль в войне с Сауроном (1695 – 1701 гг. Второй Эпохи); но первоначально он был задуман как склад древесины и кораблестроительная верфь. Местные жители были весьма многочисленны и воинственны, но они жили в лесах разрозненными общинами, не имея общего вождя. Нуменорцев они побаивались, но не враждовали с ними – до тех пор, пока порубки не приняли угрожающих размеров. Тогда туземцы стали при любой возможности устраивать нуменорцам засады, и нуменорцы начали относиться к ним как к врагам, и принялись безжалостно вырубать леса, забыв о бережливости и не заботясь о восстановлении. Леса вырубались прежде всего по берегам Гватло, и древесину сплавляли по реке к гавани (Лонд Даэр); но позднее нуменорцы проложили в лесах дороги к северу и к югу от Гватло, и оставшиеся в живых местные жители бежали из Минхириата в дремучие леса на мысу Эрин Ворн, расположенном к югу от устья Барандуина; перейти Барандуин они бы не решились, даже если бы могли, потому что боялись эльфов». «Во время войны с Сауроном в Эриадоре в конце семнадцатого века Второй Эпохи нуменорский флотоводец Кирьятур высадил большое войско в устье Гватло (Сероструя), где была небольшая нуменорская гавань». «В первые века существования королевств (Арнора и Гондора) ...древний морской порт и его пристани лежали в руинах, но в Тарбаде после долгих трудов был построен порт, способный принимать морские суда, а для охраны некогда прославленного Тарбадского Моста на обоих берегах возвели две крепости на огромных дамбах... Тарбад был разрушен и оставлен в 2912 г. Третьей Эпохи, когда Минхириат и Энедвайт разорили большие наводнения» («История Галадриэли и Келеборна, а также Амрота, короля Лориэна», прил. IV «Гавань Лонд Даэр»).

Закрепившись в гористом Северном Энедвейте, дунландцы так и не были покорены ни нуменорцами, ни их потомками, в Третью Эпоху пережили Великую Чуму 1636 года, а после Ангмарских войн предположительно объединились с переселившимися на юг холмовниками Рудаура (см. «Холмовники»). Холмовники влились в этот народ как «свежая струя» с собственным расовым типом, который стал доминирующим: согласно описанию Мериадока, наблюдавшему выступление дунландцев из Изенгарда, они имели вполне «беорский» облик: «Люди как люди, высокие, темноволосые – мрачные, но не злобные» («ВК», Кн. 3, гл. 9). В нашем мире, кстати, сходная ситуация связана с другими горцами – аланами-осетинами, сменившими расовый тип, но сохранившими язык и культурную традицию.

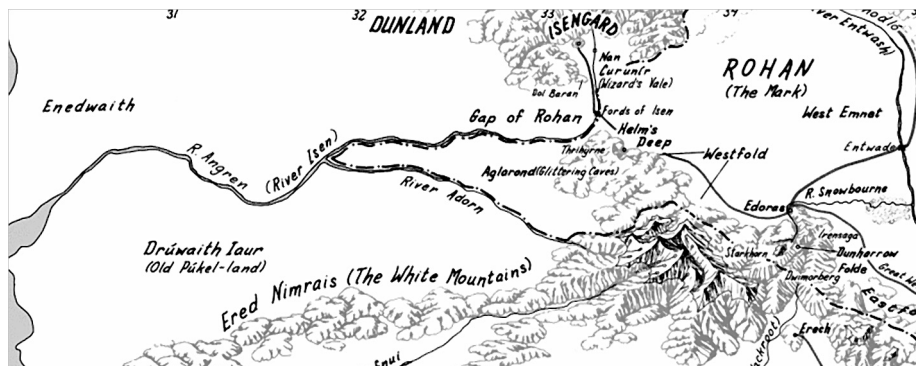

Рис. 3. Дунланд и Рохан

Представители этой группы сыграли главную роль в начавшейся в 2710 году экспансии за Изен и в острой борьбе с Роханом в XXVIII-XXIX веках за земли Вестфольда в междуречье Изены и Адорна (рис. 3). Их принадлежность Рохану специально оговаривалась в соглашении Кириона с Эорлом об образовании Роханской марки в 2510 году: *«земли к югу от Хитаэглир, что лежат меж рек Ангрен и Адорн»* («Кирион и Эорл»). Именно там поселился знаменитый вождь дунландцев *«Фрека, утверждавший, что ведет свой род от короля Фреавина, хотя, как говорят, был этот Фрека темноволос и в жилах его наверняка струилась дунландская кровь. Он был богат и владел землями по обоим берегам Адорна – реки, что впадает в Айсен (Изену) к западу от гор Эред-Нимрайс. У истоков Адорна он возвел себе крепость, и король ему был не указ»* («ВК». Приложения: Рохан). Его смерть от руки конунга Хельма стала поводом к тяжелейшей для Рохана и Гондора войне 2758 – 2759 годов, но и после неё борьба за эти территории продолжалась – в правление конунга Фольквина (2830 – 2903 гг.), и, видимо, даже до дней молодости Гамлинга (см. выше), и, наконец, мотивировала участие дунландцев в Войне Кольца. Их военное дело той поры, в частности, наличие боеспособной конницы при том, что *«у них не было доспехов – лишь несколько кольчуг»*, описано в эссе «Битва у Изенских бродов».

Как известно, сын Фреки Вульф полгода просидел королём в Эдорасе в Долгую Зиму 2758 – 2759 годов, поддерживая союзные отношения с вастаками и Умбаром. И даже на коронацию Арагорна Элессара Дунланд, хоть и потерпел поражение у Хельмовой Крепи, прислал своё посольство: *«Явились к нему посольства разных стран и народов с юга и востока, от границ Лихолесья и с Дунланда, что к западу от Мглистых гор»* («ВК», Кн.5, гл.1). Так что считать этот народ в полном смысле слова диким – явное преувеличение! Кстати, в перевод «ВК» Муравьёва вкралась очевидная ошибка: упоминая *«диких горцев и заречных кочевников из Дунланда»* (Кн.3, гл.2), он спутал кочевников - «nomads» и пастухов - «herd-folk». Дунландцы в Энедвейте, так же, как и роханцы, занимались не кочевым, а пастушеским отгонным скотоводством: кочевникам к западу от Андуина просто негде развернуться! (см. прим. ред. к ст. Нолондила «Об Ангмарских войнах» в «А-на-К»).

Отдельно стоит сказать об отношениях дунландцев с гномами, которые обитали в Дунланде более восьми веков – от падения Мории до ухода Траина вскоре по окончании Великой войны гномов с орками 2794 – 2799 годов, в которой именно Дунланд служил гномам главной базой для сбора войск, операций в Мглистых горах и похода к озеру Келед-Зарам, где произошла решающая «битва сожженных гномов». Хотя *«насмешки людей»* («ВК». Приложения: Род Дарина) оказались невыносимы для короля Трора, тем не менее для гномов-изгнанников Дунланд послужил надёжным пристанищем, так же как до этого – в середине 2 тысячелетия – и для хоббитов-Стуров. Традиции общения Дома Халет с «малыми народами» дунландцы сохранили так же, как и пригоряне.

3. Холмовники. Этот народ – один из самых малоизвестных в Эриадоре, хотя роль его в событиях Третьей Эпохи весьма значительна. Нет больших оснований сомневаться в его автохтонности: нам

неизвестно ничего об этнических подвижках на Северо-Востоке Эриадора, за исключением, конечно, нашествий орков, но нашего вопроса они не касаются. Можно было бы предположить, что они происходили от тех племён, которые появились во владениях Моргота на исходе Первой Эпохи в канун Войны Гнева и, выжив после падения Ангбанда, могли укрыться вместе с орками на севере Мглистых гор: *«Те из них, что не погибли, бежали на восток и юг мира, и уцелевшие слуги Моргота пришли к ним и сделали их вождами; и они стали злом и принесли зло туда, где дикари жили на просторах пустынных земель»* (ранняя версия «Падения Нуменора»), но применить это положение к конкретному народу Третьей Эпохи слишком сложно и вряд ли правильно. Тем более что в окончательном варианте «Аккалабет» это были уже только отдельные *«приверженные злу... люди-лиходеи»*, ставшие королями среди «дикарей». Впрочем, эту версию можно было бы принять для племён, обитавших изолированно за пределами Эриадора – например, в Ангмаре, о населении которого нам, в отличие от Эриадора, ничего не известно. Невозможно, чтобы такое «порождение Ангбанда» 4 тысячи лет просуществовало незамеченным эльфами, которые знали в Эриадоре всё и вся, и к тому же никак себя не проявило – например, в Эрегионской войне 1695 – 1701 годов Второй Эпохи; но о союзниках Саурона на севере Эриадора ничего не сказано. Во всяком случае, Северная армия Саурона, *«осаждавшая Имладрис, оказалась зажата между Элрондом и Гил-Галадом и была разбита наголову. Эриадор очистили от врагов»* («История Галадриэли и Келеборна, а также Амрота, короля Лоризна: о Галадриэли и Келеборне»). Наконец, если бы холмовники имели облик вастаков, Профессор не преминул бы об этом упомянуть. Так что это никак не «древнее Зло», и речь здесь пойдёт о жертвах не проклятия, а соблазна.

Для предков холмовников Второй Эпохи, видимо, характерно то же, что и для их соплеменников, попавших позднее под прямое влияние Арнора. Они были сородичами Дома Беора Белерианда, а возможно, даже потомками тысячи «резмигрантов» Берега: рослые стройные сероглазые брюнеты (палеоевропейский расовый тип), а также, в меньшей степени, Дома Хадора: рослые стройные синеглазые блондины (североевропейский расовый тип). Как и в Белерианде, обитали в полосе северных горных сосняков Северного Эриадора: *«эти люди жили у Полусветного озера (Evendim lake), в Северном Пригорье (North Downs) и на Заветерных горах (Weather Hills), а также между ними до самого Брендивайна (Brandywine), к западу от которого они часто заходили, хотя и не селились там. Они относились к эльфам дружелюбно, хотя и с робостью; и они боялись Моря и никогда не видели его. Очевидно, что они по происхождению принадлежали к людям той же расы, что и народы Беора и Хадора, но в Первую Эпоху не перешедшим Синие Горы и не пришедшим в Белерианд»* (см. прим. к «Жене моряка»). См. также «О гномах и людях», глава «Атани и их языки»: *«термин Средний Народ изначально относился к людям Эриадора, самым западным обитателям среди человечества Второй Эпохи и известным эльфам королевства Гил-Галада. В Эриадоре тогда обитали в основном люди, как думается, изначально принадлежавшие к Народу Беора, хотя были и родственные Народу Хадора. Жили они у озера Эвендим, в Северных Низинах и у Пасмурных холмов, а также в землях до самого Брендиудима, на запад от которого они хотя и забредали часто, но никогда не селились там»* (Брендивайн или Брендиудим – иначе Барандуин).

Рис. 4. Мглистые горы и прилегающие к ним территории

Со временем эти племена могли также расселиться в предгорьях Мглистых гор – Рудауре и Эттенмуре, с которыми впоследствии будут связаны холмовники. Их образ жизни во Вторую эпоху, видимо, был такой же, как у их белериандских сородичей в Первую. Это были первые люди Средиземья, вступившие в контакт с нуменорцами: «они считали, что все люди, что жили за горами, погибли или утонули в извержениях огня и наводнениях. Поскольку же среди них говорилось, что те люди были в незапамятные времена их сородичами, они отправили Гил-Галаду послания с просьбой встретиться с корабельщиками, «восставшими от смерти в пучинах Моря». Так и вышло, что они встретились на Башенных горах; и на эту встречу с нуменорцами от Эриадора пришло всего лишь двенадцать человек, людей высокого духа и храбрости, ибо большая часть их народа боялась, что пришельцы окажутся страшными духами мертвых. Но когда они увидели корабельщиков, страх оставил их, хотя некоторое время они стояли с безмолвным трепетом; ибо хоть сами они и были могучими воинами в своем племени, корабельщики по виду своему и манерам больше походили на эльфийских владык, чем на смертных людей. Однако же древнее сродство их было несомненно; также

и корабельщики смотрели на людей Средиземья с радостным удивлением, ибо в Нуменоре считали, что оставшиеся люди происходят от злых племен, которые Моргот призвал с Востока в последние дни войны с ним. Теперь же они видели лица, свободные от тени, и людей, которые и в Нуменоре не показались бы чужаками, если бы не их одежда и оружие. И вот внезапно и нуменорцы, и жители Эриадора произнесли первые слова приветствия на своих языках, как если бы они здоровались с друзьями и родичами после долгого расставания. Сперва они были смущены, ибо никто не понял друг друга; но когда они сдружились теснее, они обнаружили, что у них много общих слов, легко узнаваемых, и таких, которые можно было понять, слушая со вниманием, и они могли с запинкой говорить о несложных вещах» (см. прим. к «Жене моряка»). Языком общения, по-видимому, был «Адунаик, язык народа Хадора», ставший родным для большинства нуменорцев (там же). Беорский язык талиска, родственник адунаику, почти забытый уже в Белерианде и окончательно – в Нуменоре, может быть, также ещё употреблялся, хотя адунаик и синдарин его вытесняли. Языковое родство способствовало, видимо, ассимиляции северо-западных эриадорцев во время становления Арнорского королевства. Невозможно предположить, что несколько сотен спутников Эллендила с трёх его кораблей или даже несколько тысяч нуменорцев Эриадора одни могли создать обширную державу и победить в войне Последнего Союза. Говоря об арнорцах-дунаданах, мы подразумеваем общих потомков Верных нуменорцев и «диких» племён Артэдайна рубежа Второй и Третьей Эпох.

С языковым вопросом связано, возможно, и обособление будущих холмовников – они могли сохранить талиску в качестве родного языка подобно пастухам Западного Нуменора. Вероятно, что именно от холмовников язык хоббитов получил заимствования из талиски, в том числе их самоназвание: «кудук». В начале 2 тысячелетия Третьей Эпохи хоббиты из племени Стуров были соседями холмовников, обитая в Углу (The Angle) при слиянии Митейтеля и Бруйнена в Гватло – то есть в южном Рудауре (см. **рис. 4**), и лишь из-за войны 1409 года покинули эти места ради Дунланда, чтобы позднее перебраться через Минхириат в Забрению (Buckland). Нет причин полагать, что холмовники, а затем дунландцы относились к хоббитам плохо, а общение между ними было ограничено – слишком большое влияние их языки оказали на речь хоббитов, хотя основы её заложили контакты с рованионцами на прародине хоббитов в Зеленолесье.

В Рудаур холмовники пришли с севера, с дальней периферии Арнора – с гор Эттенмура, что определило их прозвище, сохранившееся в истории. Впрочем, и дунландцев зачастую называли просто «горцами». Это обстоятельство и обусловило их независимость от местной арнорской династии (нам не известно ни о каких договорах между арнорцами и холмовниками), и позволило занять её место на престоле Рудаура в первой половине XIV века. Местное неарнорское население, очевидно, быстро слилось с пришельцами, так как арнорцев, озабоченных в первую очередь сохранением «наследия Исилдура» и чистоты своей крови, его ассимиляция явно не интересовала. То, как легко династия холмовников смогла овладеть княжеством, явно свидетельствует о её близком родстве с его основным населением.

Не следует считать, что именно холмовники развязали борьбу между княжествами за Буреломное угорье (Weather Hills – Заветерные горы, Пасмурные холмы и т.п.), Амон-Сул (Weathertop) и его палантир: она началась вместе с соперничеством арнорских княжеств и имела, видимо, чисто геополитические причины. Другое дело, что у последовавшего формирования противоборствующих альянсов – Ангмарско-Рудаурского и Кардоланско-Артэдайнского – были особые причины, о которых нам мало что известно. Здесь сыграли роль, видимо, игнорирование и бойкот арнорской элитой «незападной» династии на княжеском престоле, которые ещё более обострили претензии Артэдайна на верховенство в Арноре. Возможно, с другой стороны, что «интронизация» вождя холмовников не обошлась без поддержки Короля-Чародея. Так или иначе, Рудаур просто выпал из арнорской политической системы, причём и во внешней, и во внутренней политике: арнорцы Рудаура, видимо, так же воспринимали власть холмовников, как их соотечественники-князья. Поскольку сами арнорцы в Рудауре составляли очевидное меньшинство, это привело к их изгнанию или истреблению в 1409 году, что послужило сигналом к началу крупнейшей из кампаний Ангмарских войн, если не считать последней войны 1974 – 1975 годов.

После 1409 года о Рудауре в источниках Средиземья (по крайней мере, известной нам «синдаринской» традиции) не упоминается. Окончательно перестав быть арнорским, это княжество, видимо, потеряло в глазах арнорцев право на существование и само своё имя. Версию о присоединении его к Ангмару стоит отвергнуть, так как Король-Чародей, взяв Форност в 1974 году, принял только титул князя Артэдайна, а не короля Арнора, что было бы логично, владей он Рудауром (Кардолан перестал существовать ещё после Великой Чумы 1636 года и «стал» Минхириатом). В войне 1974 – 1975 гг. холмовники сражались на его стороне от начала и до конца. Но открытое вступление в войну эльфов Ривенделла, как и в 1409 году, Наверное, повергло их в шок (если эльфы решаются на активные боевые действия, что происходит в исключительных случаях, то это действительно страшный противник!), а появление эльфийского войска на землях Рудаура стало сигналом ко всеобщему бегству – не на север, в Эттенмур и Ангмар, куда устремились войска Эарнура и Глорфиндэйла, а на нейтральный юг. Так завершается история холмовников – и начинается, видимо, история активизации Дунланда в 3 тысячелетии Третьей Эпохи (см. «Дунландцы»).

По себе холмовники оставили в Рудауре память в виде замковых башен – образцов классической клановой горской архитектуры, свойственных и шотландскому Хайленду, и народам Кавказа. Общество холмовников имело, наверное, жёсткую клановую структуру, и правящая династия должна была поддерживать власть столь же жёсткими средствами. Возможно, в этом ей помогал «старший брат» – ангмарский Король-Чародей.

4. Друданы, друхи (халадин. *drughu*, кв. *guatani*, синд. *dru*, *druadan*) – «малый народ», низкорослый и темнокожий (предположительно, аналог южноазиатских австралоидов),

обитавший совместно с халадинами в Белерианде (в Бретиле, а затем в Оссирианде), отдельными группами – в лесах Минхириата и массово – в Белых горах. Некоторое количество друхов уплыло вместе с халадинами в Нуменор, но ко времени пленения Саурона все они вернулись в Средиземье. Подробно описаны в эссе «Друаданы»: *«историки Гондора полагают, что первыми людьми, переправившимися через Андуин, были именно друаданы. Считалось, что они вышли из земель, лежащих к югу от Мордора, но, не доходя до берегов Харадвайта, повернули на север в Итилиэн и, отыскав переправу через Андуин (вероятно, вблизи Кайр Андроса), в конце концов поселились в долинах Белых гор и в лесах у их северного подножия»*. Единственное племя Адан, в большинстве своём ушедшее из Белерианда в Эриадор, а не в Нуменор, и непосредственно хранящее память о битвах Белерианда. Старые враги орков, которые зовут их Огхор-хай и с которыми друхов, тем не менее, случалось, отождествляли. По именам известны Садор, живший в Первую Эпоху в Дор-Ломине, и Гхан-бури-Гхан – вождь анориэнских друаданов времён Войны Кольца.

Быт очень скромный, «дикий», свободный от заимствований: *«они довольствовались шатрами или легкими шалашами, выстроенными вокруг стволов больших деревьев: друаданы были народ выносливый. По их рассказам, в былые времена они часто занимали пещеры в горах, но они служили им в основном кладовыми, а жили в них только в морозы»* (там же). Искусные резчики по камню и дереву, а также знахари. Очень привязаны к лесу. *«К удивлению эльфов и остальных людей, они с удовольствием ели грибы, многие из которых казались опасными и неприятными: некоторые виды грибов они даже выращивали возле своих жилищ»* («О гномах и людях», прим.) Считается, что друхи владеют «волшебством»: умеют «отводить глаза» и создавать «охранные камни» – статуи, действующие как роботы, впрочем, только под личным, хотя и дистанционным контролем создателя и с «обратной связью». С такими камнями, видимо, соотносимы «пукколы» в Дунхарроу – от «Pukel-men», т.е. «леший», Пак, английское производное от греческого Пана. Как поселение друадан Дунхарроу существовало уже во Вторую Эпоху. Внешние контакты в основном с халадинами и их сородичами в Эриадоре, которым друхи «покровительствуют»; их языки, по-видимому, очень близки. *«Народ Халет называл их друхами (drughu - это было слово из их языка)»* («Друаданы»). У других племён вызывают страх и неприязнь: их считают скорее лесными духами, чем людьми.

Война за Виньялондэ и переселение дунландцев в Энедвейт нарушили их контакты с друхами, и друхи осели в основном в дубравах на севере Минхириата, в окрестностях Вековечного Леса. В Третью Эпоху *«со времен Великой Чумы 1636 г. Минхириат почти полностью обезлюдел, хотя в лесах ещё жили племена охотников, скрытные и немногочисленные»* («История Галадриэли и Келеборна, а также Амрота, короля Лориэнна», прил. IV «Гавань Лонд Даэр»). Друхи Белых гор во Вторую Эпоху были оттеснены из предгорий (района будущих гондорских и роханских поселений, в т.ч. Эдораса) на восток в Друаданский лес и на запад в Друвайт Яур, к отрогу Белых гор между Дунхарроу (Дунхергом) и полуостровом Андраст (Рас Мортиль) вдоль будущей западной границы Гондора. В эссе «Друаданы» говорится: *«Они не обращали внимания на Великого Черного (Моргота), и позже не были союзниками Саурону, ненавидя*

всех пришельцев с востока. Они говорили, что с востока пришли высокие люди, злые сердцем, которые изгнали их из Белых гор. Может быть, еще во времена Войны Кольца остатки другов жили и в горах Андраста, западного отрога Белых гор, но гондорцам были известны только те, кто жил в лесах Анориена». И далее, в примечаниях: «После сражений у Изенских бродов обнаружилось, что в Друвайт Йаур действительно осталось немало друаданов: они вышли из пещер, где они жили, и напали на остатки Сарумановых войск, бежавшие на юг».

В окружении пришлых враждебных племён их контакты с внешним миром прервались, однако все три анклава другов сохранились до конца Третьей эпохи. Существует также «упоминание о племени «дикарей», рыбаков и охотников, живших на берегах Энедвайта, родственников по языку и происхождению аноризэнским друаданам» («Друаданы», прим.), но, возможно, речь здесь идёт о дальнем родстве: см. «Поморы».

5. Поморы. В Третью Эпоху «между устьями Гватло и Ангрена (Изена) жил довольно многочисленный, но дикий народ рыбаков» («История Галадриэли и Келеборна, а также Амрота, короля Лоризна», прил. IV «Гавань Лонд Даэр»). Описаны они исключительно в наброске повести «Тал-эльмар», действие которой происходит во Вторую Эпоху. Вероятно, потомки от смешения предков дунландцев, другов и пришельцев с Востока: со времен Алдариона (IX век Второй Эпохи) «уже росла вражда к нуменорцам, и темные люди с гор вторгались в Энедвайт» («Жена моряка»). «Коренастые, смуглые, приземистые, крепкие, на язык резкие, на руку тяжелые, а на драку быстрые» («Тал-эльмар»). Так же, как родственные им горцы Белых гор – Эреха и Лоссарнаха: «пешие ратники, пониже ростом и смуглее гондорцев Минас-Турита. Лица их были суровы, на плече тяжёлые бердыши» («ВК», Кн. 5, гл. 1), отдалённо схожи с гномами, а ещё более – с вастаками, участвовавшими в Пеленнорской битве. Предположительно, средиземноморский расовый тип. Обитали на «зелёных холмах Агара» вблизи морского побережья – в приморском Энедвейте либо в Пиннат Гелине (Анфаласе), известном зелёными холмами, Green Hills (см. авторскую карту Гондора). Но в последнем случае неясно, почему в «Тал-эльмаре» нет упоминаний об эльфийской гавани Эделлон и «стране Амрота» (будущем Дол-Амроте), «где еще живут до сих пор эльфы-нандоры» («Жена моряка»). И даже наоборот: «Не может здесь быть Дивных, мы слишком далеко на юге» («Тал-Эльмар»). Видимо, Профессор сам не знал ещё, где именно расположен Агар, написав на полях рукописи: «Действие происходит в устье Изена? или Мортонда».

Противники другов Белых гор, Злого Народа (рованионцев, предков Роухана) с востока – из Каленардона либо, в Анфаласской версии, Аноризна и Лебеннина, и нуменорцев – «гохиллег» на их языке. Ареал расселения сформировался в ходе экспансии, в которой они, видимо, потеснили другов в районе Друвайт Яур и Андраста (Рас Мортиля): «Как добыли вы эти земли, которыми хвалитесь? Разве не скрываются, как я слышала здесь, в пещерах гор дикие люди, что когда-то бродили здесь свободно, пока не пришли вы, смугляки, и не стали охотиться на них, как на волков?» («Тал-Эльмар»). К поморам можно отнести, наверное, и жителей полуострова Эрин-Ворн, родственников дунландцам, но обособившихся ещё в первой половине Второй Эпохи из-за экспансии Нуменора.

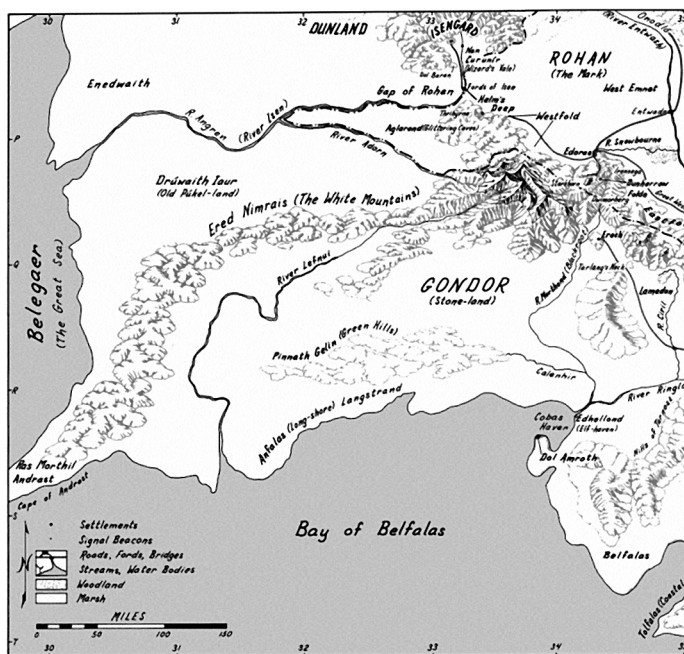

Рис. 5. Гондор

Язык поморов, вероятно, был близок дунландскому и языку друхов и восходил к халадинскому (см. «Дунландцы»). Нуменорцы говорят Тал-эльмару: «Ты говорил, как Люди Тьмы, а они наши враги, поскольку служат нашему Врагу». Общественное устройство сочетает черты родовой и сельской общины: объединение семейных кланов под властью выборного старейшины-вождя, наиболее богатого и влиятельного среди глав родов. Связь между общинами поддерживалась слабо, зачастую они враждовали – как городища Агар и Удул в «Тал-эльмаре». Основным занятием было земледелие, рыбачили на реках и озёрах: моря, принадлежащего «го-хиллег», агарцы боялись. Особую роль играли бродячие ремесленники (например, каменотёсы), связанные с богачами и знатью, в т.ч. как вестовишки.

Во второй половине Второй Эпохи поморы были, вероятно, покорены и поработаны нуменорцами, которые овладели всем Южным Эриадором до рубежа «Сарн Форд – Тарбад – Ангреност» и «из помощников и наставников превратились в господ и собирателей дани... Они хватили людей Средиземья и обращали их в рабство, и присваивали себе их добро» («Аккалабет»). Часть поморов, возможно, бежала в Белые горы и западный Гондор – Пиннат Гелин, слившись с горами Эреха, а то и дав им начало. С гибелью гавани Лонд Даэр Энэд (так же, как Нуменор, от Великой Волны) и образованием Арнорского королевства поморы обособились, «выпав из истории» Средиземья. Наверное, именно из этого народа происходили беженцы-южане, которые встретились Фродо в Пригорье в «Гарцующем Пони». Их облик и

манеры очевидно были унаследованы от предков, описанных в «Тал-эльмаре».

6. Лоссоты постоянно обитали на полуострове к северо-западу от Форохельского залива ЗА ПРЕДЕЛАМИ Эриадора. Их зимовье у Синих гор, где нашёл приют Арведуи, было временной стоянкой – возможно, факторией для торговли с гномами, отделённой от их родных земель морским проливом. Значит, они владели мореходными навыками.

У фородримов своя история, связанная, очевидно, с Дор-Дайделот (владениями Моргота) Первой Эпохи. Вероятно, из народов Средиземья их ближайшие сородичи – Дома Беора и Хадора и родственные им племена Северного Эриадора (см. «Холмовники»). Халадины пришли в Белерианд позже и отличным от других Аданов южным путём. Те племена вастаков, которые появились во владениях Моргота на исходе Первой Эпохи в канун Войны Гнева, вряд ли успели бы адаптироваться к условиям Приполярья и предпочли бы, выжив после падения Ангбанда, вернуться на свою родину, а не удаляться дальше на север.

«Лоссоты – диковинный и недружелюбный народ, потомки древнего племени фородвейт, привычного к лютной стуже владений Моргота. В краю лоссотов стужа царит до сих пор, несмотря на то, что от Ши́ра его отделяют немногим более трехсот миль. Лоссоты строят дома из снега; говорят, что они катаются по льду, привязывая к ногам кости животных, и что у них есть повозки без колес. Обитают они в основном на недоступном мысе Форохел, который запирает с северо-запада одноименный залив, но часто высаживаются на южное побережье и подходят к подножию Мглистых гор» («ВК». Приложения: Эриадор, Арнор и наследники Исилдура, прим.)

В дальнейшем мы рассчитываем познакомиться с автохтонными народами Юга и Востока Средиземья – горцами Белых гор, вастаками, рованионцами и их потомками, а также с населением Харада и Кханда.

Брайан Сидли
ПОЛИН БЭЙНС:
КОРОЛЕВА НАРНИИ
И СРЕДИЗЕМЬЯ.

К 90-летию юбилею Полин Бэйнс

Оригинал находится по адресу:

<http://briansibleysblog.blogspot.com/2008/08/pauline-baynes-queen-of-narnia-middle.html>

Перевод Ивана Володько

(<http://narnianews.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=558&mode=&order=0&thold=0>)

От редакции. Полин Диана Бэйнс (1922 – 2008), плодовитый художник и иллюстратор, возможно, лучше всего известна благодаря своим иллюстрациям к семи томам «Хроник Нарнии» К.С. Льюиса (1950 – 1956). Но до этого Бэйнс проиллюстрировала «Фермера Джайлса из Хэма» Дж.Р.Р. Толкина (1949), а через много лет продолжила работу с произведениями Толкина: создала суперобложку для «Хоббита» (1961, издательство Puffin) и триптих для картонного футляра подарочного издания «Властелина Колец» 1964 года, а также проиллюстрировала «Приключения Тома Бомбадила» (1962), «Кузнеца из Большого Вуттона» (1967), «Стихи и сказки» (1980) и «Последнюю песню Бильбо» (1974 – постер, 1990 – книга), а также создала постеры «Карта Средиземья» (1970) и «Туда и Обратно» (на основе «Хоббита», 1971). Таким образом, ее последняя иллюстрация, связанная с Толкином, оказывается возвратом к более ранней работе. Ее карта Малого Королевства была приложена к пятидесятому юбилейному изданию «Фермера Джайлса из Хэма» (1999).

С глубокой печалью я пишу эту статью о нашем дорогом друге, Полин Бэйнс, которая скончалась в пятницу, в своём доме в Докенфильде, графство Суррей, где она жила и работала долгие годы (1).

Есть такие художники-иллюстраторы, которые подчас в ходе своей работы столь глубоко проникают в авторский текст, что становятся как бы соавторами книги. Это, например, сэр Джон Тенниел, первый иллюстратор «Алисы в Стране Чудес», или Э.Х. Шепард, вместе с А.А. Милном открывший для нас мир «Винни-Пуха».

Подобным образом и рисунки Полин Бэйнс, воплотившие в образах семь «Хроник Нарнии» К.С. Льюиса, остаются до сих пор – несмотря на яркие экранизации этих книг – определяющими, каноническими изображениями чудесной страны, лежащей по ту сторону платяного шкафа...

Я отчетливо помню, где и когда прочитал каждую «Хронику»: например, «Племянника Чародея» я прочел зимним днем, устроившись у огня на кухне, где мама пекла пироги.

И теперь один взгляд на обложку того издания «Хроник» от издательства «Puffin Books» (2) не только раскрывает для меня сущность Нарнии – с её побережьями, горами, лесами и озёрами – но также возвращает меня в тот особенный день десятого года моей жизни (3)!

В первый раз я встретился с Полин почти тридцать лет назад, в октябре 1979 года, на выставке нарнийских книг, организованной в книжном магазине «Church House Bookshop» (Вестминстер, Лондон). У меня с собой было одно из моих самых ценных приобретений: книга Дж.Р.Р. Толкина «Приключения Тома Бомбадила», подписанная её автором 10 лет назад. Полин добавила на титульной странице и свой автограф, удвоив ценность этой книги для меня, как для коллекционера.

После той первой встречи мы все время поддерживали контакт друг с другом. Потом вместе работали над книгой «The Land of Narnia» и в последние 10 лет стали близкими друзьями.

После смерти нашей с Дэвидом матери она в какой-то мере стала нашей второй мамой и (вероятно, потому, что у своих детей у нее не было) всё время интересовалась нашими делами, заботясь и опекая нас в наших жизненных взлетах и падениях. Мы очень сильно любили её и всегда (как, впрочем и другие члены её большой приемной семьи) боялись мысли о том, что однажды она уйдет от нас...

Она обладала невероятно пытливым умом и энергично поддерживала любую тему

разговора. Она могла быть беспощадно критичной – и по-донкихотски великодушной; она не выносила глупцов, презирала лжецов и лицемеров, а наивысшим наслаждением считала непринуждённую беседу, которая от полной серьёзности переходит к неукротимому смеху.

Но это всё субъективные воспоминания, а я хотел бы в этой статье напомнить читателям о выдающемся таланте, которым обладала эта скромная, непритязательная женщина, чьи рисунки стали для миллионов ребят символами их детства...

К 1949 г., создав серии иллюстраций к различным сказкам, Полин Бэйнс была уже признанным профессионалом. И в это время издатели книг Дж.Р.Р. Толкина показали образцы её работ автору «Хоббита». К этому моменту писатель завершил «Фермера Джайлса из Хэма» – сказочную повесть в средневековом стиле – и он, будучи неудовлетворён предложенными для книги иллюстрациями, искал нового художника. Полин создала для «Фермера» серию оригинальных рисунков, которые удивительно точно передавали саму суть толкиновской истории – настолько, что сам Толкин сказал: «Это больше,

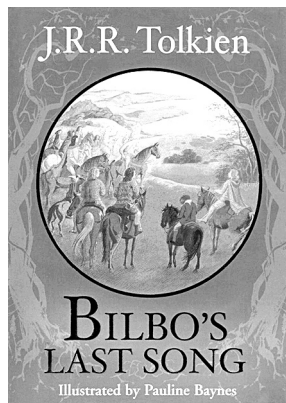
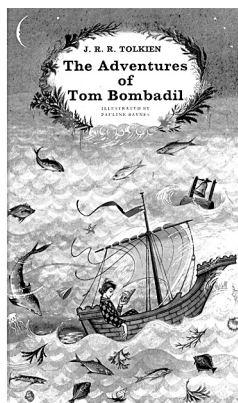
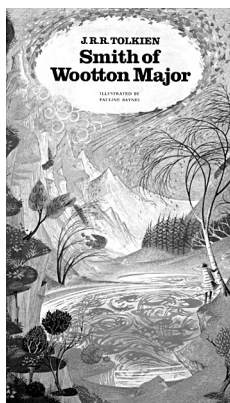
чем иллюстрация, это сопутствующая тема».

Он также с удовольствием делился мнением своих друзей, что благодаря этим иллюстрациям его текст теперь сводится просто-напросто к подписям под картинками (4).

Спустя годы Полин ещё раз вернулась к истории фермера Джайлса и его побед, одержанных над упрямым драконом Хризофилаксом Дайвзом. Одной из причин этого стало юбилейное 50-е переиздание сказки, вышедшее в свет в 1999 году...

Так началась долгая дружба писателя и художницы. Впоследствии Полин создавала иллюстрации для «Приключений Тома Бомбадила» и «Кузнеца из Большого Вуттона».

Толкин хотел, чтобы Полин проиллюстрировала

и «Властелина Колец», но книга выросла в проект, масштабы которого не позволили это реализовать. Впрочем, художница создала картонный футляр на три тома, который позже был взят за основу для обложки первого однотомного издания в мягкой обложке – и этот изображенный ею исконно английский ландшафт стал для целого поколения окном в Средиземье...

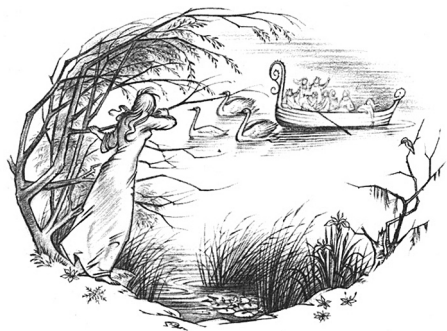
Уже после кончины Толкина Полин иллюстрировала его сборник «Стихи и сказки» (включавший в том числе «Лист работы Ниггля»), а также «Последнюю песню Бильбо». Она же создала всем известную карту Средиземья, ставшую неотъемлемым атрибутом студенческих жилищ...

Я помню, как Полин говорила мне, что очень хотела бы знать, читала ли хоть раз супруга Толкина, Эдит, великие произведения своего мужа? Сомнения в этом у неё появились с того дня, когда она показала свою карту Средиземья автору «Властелина Колец». Над картой она изобразила фигуры девяти путешественников: Фродо, Сэма, Арагорна, Гэндальфа, Боромира, Леголаса, Гимли, Мерри и Пиппина, отправляющихся в дорогу с Кольцом Всевластья, а внизу нарисовала их противников: кровожадных орков, девять Черных Всадников, Голлума и, в нижнем правом углу – Шелоб.

Толкин остался доволен картой – нужно было подкорректировать лишь одно название – и позвал Эдит взглянуть на неё. «Посмотри, что нарисовала Полин», – сказал ей Толкин. Эдит внимательно рассмотрела карту, обе группы персонажей и затем, указав на Шелоб, воскликнула: «Ой, ты только взгляни на этого жуткого паука!».

Сотрудничество с Толкином позже привело Полин к работе над иллюстрациями к семи сказкам К.С. Льюиса, начало которым положила повесть «Лев, Колдунья и Платяной шкаф», известным как «Хроники Нарнии».

«Встречалась с К.С. Льюисом. Он пришел в гости. Испекла печенье». Именно такую запись, по словам Полин, оставила она в дневнике после одной из своих двух встреч с писателем, чьи книги она так восхитительно проиллюстрировала. Эти рисунки явно показывают, как серьезно она относилась к

своему вкладу в создание книг, ставших для нас, миллионов ребятшек, любимейшим чтением...

Иллюстрации к книгам Льюиса немало содействовали их успеху и в наши дни уже неотделимы от самого текста. Однако Полин проиллюстрировала свыше 100 других книг, разрабатывала обложки и фронтисписы, а также создавала многочисленные рисунки для иллюстрированных журналов, издававшихся в 1940-50-е годы – таких, как «The Sphere» и «The Illustrated London News».

Её творческое наследие поражает разнообразием: тут и витражи, и церковные росписи, и рождественские открытки.

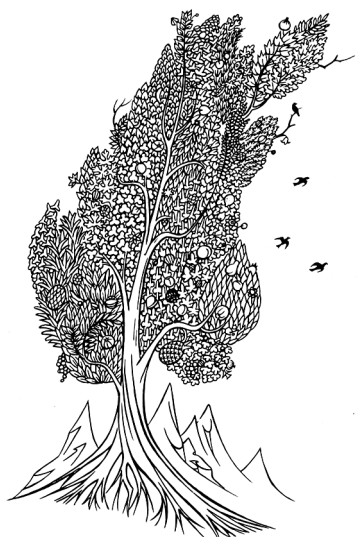
Еще одна сторона её творчества – иллюстрации к школьным учебникам и оригинальные рекламы различных товаров, таких, как кондитерские изделия от «Huntley and Palmer's»...

Среди её лучших работ (хотя их намного больше) следует упомянуть иллюстрации к «Сокровищнице французских сказок» (A Treasury of French Tales) Анри Пурра, «Волшебным сказкам Британских островов» (Fairy Tales from the British Isles) и «Тысяче и одной ночи» (которые отразили её восхищение перед персидскими миниатюрами) Амабели Уильямс-Эллис, «Книжке детских стишков» (The Puffin Book of Nursery Rhymes), составленной её друзьями Питером и Ионой Опи (Peter and Iona Opie), и «Словарю Рыцарства» (A Dictionary of Chivalry) Гранта Юдена, содержащему невероятное число иллюстраций – около 600. За работу над этой книгой художница была удостоена Медали Кейт Гринуж (5).

Она иллюстрировала сочинения Розмари Харрис, Румера Годдена и Хелен Пирс, а также последний том саги «Добывайки» (Borrowers) Мэри Нортон, создавала ставшие каноническими иллюстрации к обложке первого издания «Обитателей холмов» (Watership Down) Ричарда Адамса.

В её работе над этими и многими другими книгами отчётливо проступает неутомимое стремление достоверно воспроизвести костюмы и архитектуру воссоздаваемого на рисунке периода и, более того, – выдающаяся способность Полин изображать пейзажи и жизнь природы – особенно животных, диких или домашних. Здесь можно выделить

изображения лошадей и, конечно же, собак, которых она очень любила.

Её поздние иллюстрации к книгам – в основном религиозной тематики, таких как «Всё яркое и прекрасное» (*All Things Bright and Beautiful*), «Песнь трёх святых отроков» (*The Song of the Three Holy Children*), «Ной и Ковчег» (*Noah and the Ark*) и «В Начале» (*In the Beginning*) – демонстрируют искусство художницы в плане композиции и её необыкновенное мастерство в использовании текучих линий, ярких цветов и в изображении бесконечного пространства.

Также среди её работ – потрясающее количество рисунков, сделанных в подарок друзьям. Например, в 1977 г., когда я был редактором «Бармаглота» – бюллетеня Общества Льюиса Кэрролла, была найдена «пропавшая» глава «Алисы в Зазеркалье», в которой появлялась Оса в парике, читающая газету.

Этот эпизод был убран из книги еще на этапе печати пробных экземпляров, потому что иллюстратор Джон Тенниел заявил, что изобразить столь причудливого персонажа – выше его сил.

Но Полин продемонстрировала такую возможность, создав эту потрясающую миниатюру, которая (по моей воле) несколько лет была на обложке нашего «Бармаглота».

Талант Полин не изменил ей до самого конца жизни: в этот период она трудилась над иллюстрациями к отрывкам из Корана и к Книге Иова, которые ещё не опубликованы...

Последней завершённой работой Полин стала серия из 21 иллюстрации (каждая – на целый лист) к моей повести, названной «Необычный филин Оскар» (*Oscar the Extraordinary Owl*). Она была разочарована, когда целый ряд издателей отказался от этой книги, и сочла, что её стиль стал слишком старомодным и не отвечает современным веяниям в детской литературе.

Но я верю, что однажды её уникальный талант снова оценят – и некоторые из рисунков, сделанные художницей в конце её жизни, будут опубликованы, пусть даже вне книг, для которых они предназначались. И эти произведения Полин, возможно, принесут многим радость – так же, как её иллюстрации к книгам Льюиса и Толкина, сделанные полвека назад...

Когда парой недель ранее мы посетили Полин, на её рабочем столе, стоящем напротив окна, выходящего в чудесный палисадник, были энергичные наброски – иллюстрациями к басням Эзопа.

Сегодня там пусто.

Художница ушла, но живут произведения, созданные ею...

Мой некролог по случаю смерти Полин Бэйнс опубликован в газете The Independent.

Другие некрологи были размещены в The Guardian и The Telegraph; хотя там они были не подписаны, но их авторы – близкие друзья Полин: Дэвид Хеншелл и Шарлотта Кори. Еще один некролог опубликовала The Times.

P.S. По словам исполнителя завещания Полин, читавшего её дневники, там нет фразы «Встречалась с К.С. Льюисом, он пришел в гости. Испекла печенье». Однако я решил оставить её здесь, т.к. тот факт, что она сама говорила об этой записи, позволяет нам увидеть её сложную натуру с некоторой долей интриги.

Примечания переводчика

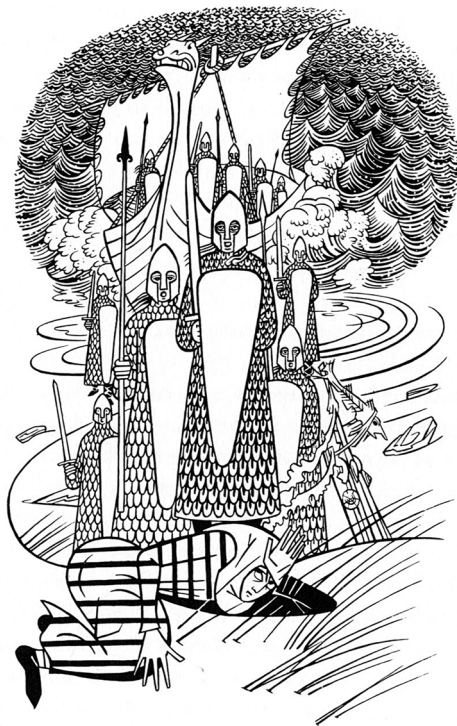
(1) Полин Диана Бэйнс скончалась 1 августа 2008 года в возрасте 85 лет. Статья Брайана Сибли была опубликована в его личном блоге 4 августа того же года.

(2) Первое британское издание «Хроник Нарнии» (в мягкой обложке) вышло в издательстве «Puffin Books» в 1959 – 1964 гг.

(3) Здесь Б. Сибли допускает неточность: когда ему было 10 лет, «Puffin Books» успело издать только первую книгу «Хроник Нарнии» – «Льва, Колдунью и Платяной шкаф», но не «Племянника Чародея», о котором пишет автор статьи.

(4) Из письма Дж.Р.Р.Толкина в издательство «Аллен энд Анвин», 16 марта 1949 г. Цитируется по изд.: Толкин Дж.Р.Р. Письма / Пер. с англ. С. Лихачевой. – М., 2004.

(5) Медаль Кейт Гринуэй (Kate Greenaway Medal) – британская премия лучшему иллюстратору детской книги. Она вручается в июле за книги, изданные в течение года.

Арэгэль и Маэглин

Morgul
2012